

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Псевдоним для героя

«Автор»

Кивинов А. В.

Псевдоним для героя / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых фонарей)

ISBN 978-5-389-03919-3

ISBN 978-5-389-03919-3

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Кивинов

Псевдоним для героя

Названия реальных фирм и торговых марок, встречающиеся в тексте, скрытой рекламой не являются! Это безвозмездная благотворительная акция автора в пользу упомянутых компаний. Надо ли говорить, что все изложенное ниже является абсолютной выдумкой и все совпадения случайны? Конечно, не надо, но на всякий случай я скажу...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

– Обилечиваемся, дорогие мои зайчишки, обилечиваемся, ушастые. Кто билетик не возьмет, тот на шапочку пойдет! – бабуля-контролер, на ходу поигрывая легкими рифмами, ловко продиралась сквозь бурелом пассажиров к задним сиденьям автобуса. – Ты, моя красавица, обилечиваться будешь, али на старость копишь? Студенческий? Ах ты, умница! Ну, учись на здоровье, душа моя, на дураках воду возят.

Бабуля поправила сумку с выручкой, погладила, словно любимого кота, валики билетов, похожие на рулончики туалетной бумаги для куклы Барби, и двинулась дальше.

– А ты, красавчик, тоже студент? – обнажив металлические фиксы в теплой улыбке, спросила она угрюмого пассажира лет сорока.

– Военнообязанный, – тот произвел тяжелую химическую атаку парами спирта, залитого накануне внутрь, и гордо развернул красные корочки.

– Да ты ли это, касатик? – бабуля придирчиво посмотрела на предъявленный документ, придерживая очки. – Твой ли анфас?

– Я, мамаша! Век воли не видать! Фронтовик! Вчера из горячей точки! Кровь проливал. Усы просто сбрил, да в звании повысили! До майора! – пассажир провел ребром ладони по шее.

– Расписали тебя тоже в горячей точке? – старушка кивнула на синюю от татуировок ладонь фронтовика, – майор ты мой героический. Как прокатится парочка таких майоров, так ко мне дамочки зареванные бегут – кошечки потерялись, не находились ли? Ха-ха-ха...

Военный спрятал мандат и повернулся к двери.

– Студенты, фронтовики... Хоть самой за всех плати, – миролюбиво ворча, бабуля продолжила охоту на зайцев. – Я, ребятки, вас люблю, приготовьте по рублю! Вот умница моя, держи билетик, красавица. Так... А вы у нас кем будете? Эй, ясный мой свет!

Старушка наклонилась к юному амбалу, развалившемуся на заднем сиденье в позе тюленя, отдохавшего на льдине.

– Проездной, – лениво промычал тот, почесав увесистой пятерней небрежно выбритый, прыщавый подбородок и распрямив ногу.

– А покажем проездной, если он у нас с собой! – очевидно, бабуля являлась внештатным поэтом автопредприятия и печаталась в стенгазете.

– Дома забыл, – тюлень выпрямил вторую ласту и повернул к окну недовольное лицо, давая понять, что диспут закончен.

Поэтически настроенной старушке такой ответ не прибавил вдохновения, ее заработок напрямую зависел от платежеспособности пассажиропотока.

– Ты мой склерозничек! Молодой, а уже такой забывчивый. Узелки завязывать надо. А у меня одноразовый проездной стоит рублик. Быстренько платим за проезд. Слышишь, рассеянный ты наш? Тебе говорю. Чего глазки отводишь?

Парень нехотя повернул бритую голову, мило, по-бегемотски зевнул и, причмокнув языком, ответил:

– Пошла в жопу, чучело старое! Сказал же, дома забыл. Отвали.

Бабуля обиженно огляделась по сторонам. Пассажиры из числа мужчин мирно спали, укачанные тряской, из числа женщин судорожно уткнулись в любовные романы. Гражданской поддержки ждать не приходилось.

– Стало быть, не желаем обилечиваться? Нехорошо это, хлопчик, не по понятиям. Автобус государственный, а государство уважать надо. Ты не меня сейчас послал, а государство наше правовое. Нельзя так.

Хлопчик оскалился, занес кулак, намереваясь грубо нарушить общественный порядок, но вдруг, вытаращив глаза, замер... Старушеница, поправив очки, отработанным движением откинула сумку, распахнула синий форменный пиджак, сунула руку подмышку, и через секунду в лоб тюленя-зайца уперся короткий ствол обреза времен социалистического раскулачивания.

– А ну бабки гони на «тикет», пельмень факнутый, пока репу не снесла! Живо!

Мужчины вздрогнули, проснувшись, женщины оторвали глаза от эротических страниц. На переднем сиденье заплакали дети. Тюлень студнем сполз вниз, подогнув ноги, хотя сползать было уже некуда. Волосной покров на голове встал по стойке «смирно», пунцовые пятна растеклись по бледному лицу, мгновенно покрывшемуся испариной.

– Ты чо?.. Я не по...

– Щас поймешь, сволочь! Рубль гони, если жить хочешь. Я тебе быстро устрою правовое государство!

– Понял, понял... Нормалек все, мамаш, момент...

Пошарив в кармане, он извлек скомканный червонец. Не опуская обреза и держа на мушке широкий лоб, бабуля отсчитала сдачу и вместе с оторванным билетиком сунула ее парнишке. Затем ловко, по-ковбойски крутанула обреза на пальце и воткнула оружие за пояс юбки.

– То-то же у меня! С вами, быками, по-другому никак. Государство без уважения, что огород без удобрения, – вновь порадовав окружающих рифмой, она повернулась к следующему пассажиру. – Ну а ты, родной, государство уважаешь?

...Автобус подпрыгнул на ямке, Шурик вздрогнул и разлепил глаза. Бабуля внимательно, с лукавой искоркой во взгляде наблюдала за ним сквозь толстые линзы своих очков.

– Я – платил, вот!!! – он испуганно заслонился мятым билетиком.

Женщина пожала плечами.

– Да я помню, милый, помню. Остановку свою не проспй. Следующая Забодаевская! – Она развернулась и, расталкивая граждан, словно ледокол торосы, поплыла к передним дверям. – Платим, платим за проезд, а не то Бабайка съест!

Шурик зевнул, скосился на мелькавший за окном пейзаж, после чего поинтересовался у попутчика:

– Вы не выходите на следующей? Парень, не ответив, убрал ногу, пропуская его к выходу.

На остановке Шурик еще разок зевнул и, поправив пятерней волосы, проводил взглядом отъезжающий автобус.

– Ну и сны... Братва в автобусе?.. Обрез?

Спать хотелось чертовски, практически он вчера и не ложился, просидев за столом до семи утра, доводя статью до высшей кондиции. В восемь покинул родные стены общежития, чтобы к назначенному времени добраться до редакции «Новоблудского вестника». Заметив

свободное место в автобусе, присел и мгновенно вырубился, прижавшись лбом к холодному стеклу. Спасибо бабуле – разбудила.

Василий Егорович Коваль, главный редактор «Вестника», ждал Шурика в десять. Оставалось еще полтора часа, чтобы переписать рукопись на дискету. Обычно Шурик пользовался стареньким 386-м, стоявшим в кабинете Тамары, комендантши его общаги. Но накануне та сорвалась в деревню на похороны родственницы, забрав ключи от кабинета. Пришлось договариваться с Витькой Горловым, знакомым журналистом, освещающим культурную жизнь родного города в «Вестнике». Горлов пообещал прийти пораньше и предоставить орудие труда коллеге по перу.

Шурик миновал пятнистого вахтера, принадлежащего, как гласила табличка, к охранной фирме «Пилар», осуществляющей защиту редакции от внешних и внутренних врагов. Двухметровый хмурый страж оторвался от сборника анекдотов, взглянул на вошедшего и перевернул страницу, не заподозрив у гостя вражеских намерений. Шурик про себя заметил, что в «Пиларе» служат, наверное, исключительно жлобы, ибо название фирмы хоть и звучало благообразно, но переводилось с английского как «столб». Впрочем, в этом был определенный смысл – столб ассоциируется с прочностью, высотой и неприступностью.

Сам Шурик не дотягивал до ста семидесяти и недолюбливал господ чересчур высокого роста.

Витька не опоздал, он сидел, зарывшись в кипу пестрых журналов с глянцевыми обложками, вооружившись толстым маркером.

– Нас утро встречает «Роксетом»! – увидев на пороге Шурика, он сложил ладони в пожатии, подняв их над годовой. – Как жизнь?

– Если забыть, что мы когда-нибудь умрем, то ничего. Хотя местами не очень. Я как раз в таком месте.

– Не стоит прогибаться под изменчивый мир... «Машина времени». Неважно выглядишь. Отдыхал?

– Вкалывал. Ко мне муза приходит исключительно по ночам.

– Счастливчик. А ко мне – только когда жена в деревню уезжает... Врубай агрегат. Пароль помнишь?

– Я его и не знал.

– «Утекай».

– Куда?

– Пароль – «утекай». Старенький, пора сменить. Нажми на кнопку, получишь результат.

Горлов, вследствие прямого и продолжительного контакта с отечественной эстрадой, профессионально деформировался и общался с окружающими в основном посредством цитат из шлягеров. Он был лично знаком с самыми великими представителями музыкального Олимпа державы, вплоть до Иосифа Кобзона, и, как поговаривали, такое знакомство обогащало его необыкновенно. В журналистской тусовке он носил кличку «Глоткин» за свое умение орать на концертах, поддерживая того или иного исполнителя. А однажды на выступлении местной поп-дивы Марго вообще заменил целый зал, ибо присутствовал на супер-шоу в гордом одиночестве. Что не помешало ему на следующий день рассказать в «Вестях» о полном аншлаге, спекуляции билетами и великолепном празднике, устроенном королевой Марго для земляков-новоблудцев. Само собой, тут же публиковались восторженные отзывы фанов, утверждающих, что после такого зрелища и умереть, к черту, не страшно. Пара фоток запечатлела беснующуюся толпу с плакатами «риееп», подтверждавшими, что Марго действительно королева.

Шурик познакомился с Витькой лет шесть назад, сблизившись на почве любви к пиву и группе «Эйс-оф-Бейс», в то время покорившей сердца простых россиян. Горлов-Глоткин, уже ходивший в журналистских авторитетах, ввел Шурика в местную тусовку и отрекомендовал.

Сейчас культурный репортер-хроник находился в том возрасте, когда душа по-прежнему остается молодой, но живот плавно превращается в брюхо. Как и в юности, Витька таскал жиденькую косичку, двухдневную щетину, скрашивающую тройной подбородок, а в свет выходил в неизменной кожаной безрукавке и линялых джинсах с замшевыми нашивками в паху и на коленях.

Над головой Витьки на двух кнопках висел календарь-плакат рок группы «Мочить» с автографами ее участников в память об интервью, данном когда-то Горлову. Нынче «Мочить» осела в столице, изредка наведываясь в родной город с благотворительными гастролями. Пустоту противоположной стены разбавлял пожелтевший плакат по технике безопасности пятнадцатилетней давности. По конвейерной ленте ползли плоские детали, а из-под валика, двигающего ленту, торчала изуродованная, окровавленная рука. Пояснительная надпись сверху, в силу приобщения социалистической державы к благам империализма, имела слегка курьезный смысл. «НЕ ПОПРАВЛЯЙ ПРОКЛАДОК НА ХОДУ!» Плакат мог удачно украсить гинекологический кабинет.

Вообще же Витькины апартаменты требовали срочного капитального ремонта, как тяжелораненый воин носилок, из чего следовал прямой вывод о независимости и неподкупности издания, живущего на государственные дотации. Дотации, конечно, могут сочетаться с немецкими обоями, подвесными потолками и кондиционерами, но плохо. Гораздо сильнее они бросаются в глаза на фоне облупившихся стен и готовой в любую секунду рухнуть на башку люстры, плафоны которой до середины заполняли дохлые мухи. Василий Егорович Коваль, вероятно, не мог допустить и мысли, что в трудную для народа годину его сотрудники будут наслаждаться комфортом под размеренный шум вентиляторов, закинув ноги на компьютерные столы, словно обожравшиеся империалисты из какого-нибудь «Вашингтон пост».

Шурик ухмыльнулся, набрал пароль и приступил к партии фортепьяно, периодически заглядывая в ноты. Печатал он быстро, почти вслепую, и за сорок минут рассчитывал уложиться. Статья была посвящена некой конторе, предлагавшей населению заняться серьезным бизнесом – изготавливать в домашних условиях сырье для средства от облысения. Бизнесмен, подписавший с фирмой контракт, за пару сотен покупал специальный порошок и в течение двух месяцев обрабатывал его по особой технологии. Затем полученное сырье возвращалось назад, за что фирма выплачивала уже целую тысячу. Сырье контора поставляла ведущим производителям шампуней в мире, в том числе «Проктор энд Гембл», «Пан-тин-про-ви» и, конечно же, «Джонсон и Джонсон». (НЕ РЕКЛАМА!) Восторженные отзывы хозяев упомянутых компаний, а также различные дипломы международных конкурсов украшали стены новоблудской фирмы. Уставший от вынужденного безделья народ повалил в контору, вытащив из чулок черный нал, хранимый на черный день, либо взяв кредит под проценты у друзей и близких. Многие покупали порошок оптом, получив при этом ощутимую скидку и увозя мешки с волшебным порошком на ручных тележках. Очередь из желающих поучаствовать в изготовлении знаменитых шампуней и приобщиться к деловому миру Запада двойным кольцом опоясала офис фирмы. Некоторые очередники, сияя неподдельным счастьем и потрясая разлохмаченными денежными пачками, рассказывали окружающим, как уже по третьему разу вкладывают в волосной бизнес свободные средства. Только за первую неделю существования свою посильную лепту в борьбу с облысением внесли около пяти тысяч горожан. Технология же производства сырья была чрезвычайно проста. Достаточно рассыпать порошок по банкам или кастрюлям и поливать кипяченой (обязательно кипяченой!) водой раз в три дня. Добившись нужной консистенции по истечении двухмесячного срока, процедить полученную биомассу и принести ее в фирму, где мгновенно получить расчет сполна.

На самом же деле чудо-порошок представлял собой смесь обычного мела и хлебных отрубей, скупаемых по дешевке на местной пекарне. После второго полива кипяченой водичкой волшебная смесь разбухла и наполняла квартиру специфическими ароматами, словно в гостях

побывал взвод объевшихся горохом солдат. Но хозяева терпели, ведомые чувством радости за сограждан, чьи плечи вскорости превратятся в непроходимые джунгли. Срок возврата сырья на базу наступал примерно через месяц, первые участники программы, стоя на хорошо проветриваемых лестничных площадках, уже прикидывали, как потратят честно заработанный табош. К созданию товарищества с ограниченной ответственностью приложили ручки некоторые влиятельные персоны из администрации, страдавшие облысением, ограждая борцов с этой бедой от мелких неприятностей, типа налоговой полиции или санитарной инспекции.

Шурику же информацию слил живущий в его общежитии бывший менеджер фирмы, обиженный на поделщиков несправедливым, с его точки зрения, дележом прибавочной стоимости. Угостив журналиста разбавленной водкой, он поведал ему на ушко как о составе порошка, так и о лицензиях и дипломах, мастерски сляпанных безработным дизайнером за двадцать баксов. Шурик за информацию ухватился, она претендовала на сенсацию, побывал в офисе фирмы, пощупал порошок, кое-что перепроверил и сел за работу.

Как известно, существуют две степени отсутствия денег. Денег нет, и денег нет совсем. Шурик пока находился на первой, но морально созрел для второй, посему гонорар за статью мог оттянуть неприятный момент. Сама же публикация создала бы определенную рекламу автору, что не менее важно, чем наличие в кармане денежных знаков. Размещать материал в какой-нибудь газете цвета утренней мочи не имело смысла, только авторитетное издание, не запятнавшее свои страницы желтизной, гарантировало читательский интерес и внимание. Из местных печатных органов к последним Шурик относил лишь две газеты – «Новоблудский вестник», до перестройки носивший имя «Красноблудская правда», и «Вечерний Новоблудск», награжденный в семидесятых орденом Дружбы народов за серию статей о бесправном положении североамериканских индейцев племени маури. Накануне Шурик позвонил Василию Егоровичу, которого знал лично, благодаря опять-таки Витьке, и предложил любопытнейший материал. Коваль заинтересовался и назначил встречу на десять утра.

Витька выбил розовую сигарету из пачки «Собрания» (НЕ РЕКЛАМА!), щелкнул фирменной «Зиппо» (ОПЯТЬ НЕ РЕКЛАМА!) и, откинувшись на стул, затянулся.

– Ну как? Успеваешь?

– Порядок, – Шурик набрал последнюю фразу «Стыдно, товарищи» и перекинул набранный текст на дискету.

– А у нас далеко не порядок. Ты прикинь, старикан, без зарплаты сидим седьмой месяц! – Глоткин стряхнул пепел в забитую доверху розовыми окурками пепельницу. – Это кому рассказать... Какая боль! Какая боль! («Чайф») На энтузиазме работаем голом, на преданности делу.

Витька приложил пухлую ладонь к жилетке.

– А если честно, старикан, хочется плюнуть на все, сесть в зеленоглазое такси, сказать: «два счетчика, шеф», и махнуть к чертовой матери, куда глаза глядят. Просто мы опавшие листья, навсегда и больше не вместе, а на сердце – пустота («Гости из будущего»),

– Махни.

– Эх... Не могу, – культурный хроник убрал руку от сердца, – не могу я без вот этого, – он кивнул на разбросанные журналы, – как десять лет назад попробовал, так и не оторваться... Привыкли, можно сказать, руки к топорам...

За окном пискляво завывала автомобильная сигнализация.

– О дьявол, опять сработала, – Витька схватил со стола брелок и нажал кнопку. Писк прекратился.

– Прикинь, сотенную отдал, чтоб Шалапина ^{note 1} настроили. Уродцы! Сегодня покажу им автосервис. Будут в багажнике сидеть и выть вместо сирены, когда надо.

Шурик вытащил дискету.

– Выключать?

– Не надо, пускай гудит.

– Все, спасибо, Вить. Я к Ковалю.

– Удачи. Ты не пропадай. Будет время, бери пузырек и подваливай. Кстати, слышал? К нам «Крысы в городе» приезжают через месяц. Самая модная команда сейчас на Руси. Хочешь, аккредитацию устрою. Я вот интервью с ними делаю, – Витька кивнул на пачку журналов, – не могу найти, как солиста звать. Ты не помнишь случайно?

– Не помню... Как же ты у них интервью берешь? Они ж через месяц...

– Мы должны быть первыми. А потом... – Витька махнул рукой. – Они все одно и то же говорят...

До назначенной встречи осталось три минуты, Шурик решил подождать. Егорович слыл педантом. Слова Витьки о семимесячной задержке зарплаты огорчали, но Шурик не падал духом. Газета, в конце концов, выходит исправно и раздается в киосках не задаром. Поднявшись на второй этаж, он остановился перед дверью редактора, тщательно вытер ноги и постучал.

В приемной, как и положено, сидела секретарша – раскрашенная матрешка лет двадцати пяти, выражением глаз напоминавшая васнецовскую Аленушку, собравшуюся утопиться. Шурик приуныл еще больше: при таком положении дел в редакции гонорара могло хватить лишь на обратный автобусный билет.

– Здравствуйте, моя фамилия Тихомиров. Василий Егорович мне на десять назначил.

Матрешка взглянула на перекидной календарь и указала на дверь шефа.

– Проходите.

Василий Егорович, сидя за бескрайним столом, беседовал по телефону. Заметив Шурика, он кивком указал на стул.

Коваль, как принято в нормальном обществе, тоже имел кличку. Коллеги и близкие друзья в неформальной обстановке называли его Батискаф либо Батискафыч. То ли за внешнюю схожесть с названным агрегатом – Василий Егорович был лыс, невысок, плотен и носил огромные плюсовые очки-иллюминаторы. А может, ввиду своей непотопляемости. Точнее, не своей личной, а газетной. Упади вечером (тьфу-тьфу!) на Новоблудск натовский ядерный фугас, утром в бронированные двери бомбоубежища постучится почтальон и предложит свежий номер «Вестника». Последний раз Шурик видел Василия Егоровича два года назад в клубе журналистов, на каком-то фуршете. Сейчас, присматриваясь к Батискафычу, он обратил внимание на две маленькие детали, оставшиеся с тех пор неизменными. Петелька-вешалка на пиджаке Ковалю, как тогда, так и сейчас, была оторвана и торчала над воротом маленькой антенной. А дужка очков по-прежнему крепилась к оправе канцелярской скрепкой. Все это подчеркивало известную консервативность шефа «Вестей».

– Да на хера, прости мою душу грешную, нам твои мемуары?! Лабуда какая-то! Ты что, Березовский или Моника Левински?! Скандал нужен, понимаешь? Сенсация! Номер горит, прикажешь мне твои бредни ставить про первую любовь? – грохотал Коваль, нервно постукивая кулаком по зеленому, украшенному плешью сукну стола. – Тебе что ведено было, а?

Шурик воспрянул духом: его история про чудо-порошок могла оказаться весьма кстати, а соответственно дороже на пару червонцев. Хорошо бы вернуть Тамаре долг, хоть частично рассчитавшись за свое проживание в общежитии.

Батискафыч замер, выслушивая аргументы-оправдания своего собеседника. Неожиданно он приоткрыл рот, как карп в стоявшем у стены аквариуме, и снял очки-иллюминаторы.

– Кого избили?! Пугачеву?! Аллу? Где?! На каком рынке? Так... А что она там делала?... Какую еще картошку?... Так... Погоди, погоди, на сколько ее обвесили? На полкило? Это точно? А кто драку начал? Она?! А Филипп не с ней был? Как какой Филипп? Киркоров, соловей наш голосистый... Что значит не та Пугачева? Однофамилица? И тезка вдобавок?... Знаешь,

красавец, что за такие шутки в приличном обществе делают? Козлят! От слова «козлить». Ставят в позу и козлят!

Коваль вернул очки на нос и перевел дух.

– Ладно, раз ничего другого нет, дадим это. Лепи текст, на титул вынесем только заголовок «Избита Алла Пугачева», а комментарий, что это однофамилица, будет на третьей полосе вторым шрифтом. Садись работай, к двум жду.

Василий Егорович положил трубку и облегченно выдохнул:

– Фу, вроде заткнули брешь... В мире существует только ОДНА Алла Пугачева. Никаких однофамилиц, верно? Ну, что у тебя?

Шурик положил дискету на стол.

– Скандальная история. Фактура эксклюзивная, проверенная. Тема серьезная, как раз для вас.

Секундой позже Шурик пожалел о последней фразе: Коваль был лыс. Но слово – не воробей...

– Почитаем, – Батискафыч зарядил дискету в свой «Пентиум», вывел текст на экран и поправил очки.

Последующие пять минут прошли в мертвой тишине, прерываемой лишь щелчками «мышки». Даже карп в аквариуме замер и уставился на хозяина, вероятно полагая, что от его реакции на статью будет зависеть количество жратвы в кормушке.

– Ну что ж, неплохо, – Василий Егорович пригладил остатки волос на макушке, опять снял очки и повернулся к Шурику. Карп вильнул хвостом и скрылся в водорослях.

– Фактура действительно сильная, да и стиль хорош. Особенно концовка. «Стыдно, товарищи». Слушай, а может, все-таки порошок... Ну, это, действует? Я уже все средства перепробовал, – Коваль ткнул большим пальцем на лысину.

– Не помогает, – лаконично ответил Шурик, – проверено – волос нет.

– Ну ладно. Материал берем, у нас как раз окошечко есть.

Затем, чуть пригнувшись к столу, едва слышно прошептал:

– Двести баксов. Устроит?

У Шурика началась аритмия. Такой суммы ему еще не предлагали ни в одном периодическом издании. Двести баксов! Он моментально перемножил услышанную цифру на текущий курс. Пять тонн! Учítывая, что в кармане скромно ждал своей участи последний сморщенный червонец, такая финансовая терапия не могла не возбуждать. При рациональном использовании этих денег хватит месяца на три-четыре! И главное, засветка! Перспектива! Толчок!

Карп высунул свою плоскую башку из зарослей и уставился на Шурика, едва заметно шевеля плавниками.

Двести баксов за ночь работы! Сильно!

– Устроит, – почему-то тоже шепотом ответил оглушенный счастьем Шурик.

– Хорошо. Приноси деньги, в пятницу поставим в номер.

Карп сдвинулся поближе к стеклу, проглотив проплывавшую мимо дохлую козлявку.

Шурик секунду-другую обдумывал произнесенную Батискафом фразу, но, поняв, что собственного «ай-кью» ему не хватит, переспросил:

– Я не расслышал, Василий Егорович. Какие деньги? Куда приносить?

Карп тревожно замолотил хвостом по стенке аквариума.

– Ну как какие? Ты ж сказал, что двести баксов тебя устроит?

– Да, вполне...

– Так в чем же дело? Приноси, текст поставим.

– Кому приносить?

– Лучше мне, но если меня не будет, оставишь Ане, – Коваль взглядом показал на дверь.

Шурик покосился в указанном направлении. Ай-кью потихоньку оживало, доводя до сознания страшную догадку. Не зная, какой еще уточняющий вопрос можно задать в сложившейся ситуации, он воспользовался первым, подвернувшимся под язык:

– А зачем?

Карп выпустил из зубастого рта пузырь, будто усмехнувшись. Вопрос, без сомнения, вызвал у Батискафыча удивление, причем, судя по наморщенному лбу, неподдельное. Петелька пиджака заняла строго вертикальное положение.

– Ну ты, родной, спросил... Кто ж тебя «за так» в серьезную газету поставит? У меня штатные репортеры на картотеке восьмой месяц, а я вдруг левый материал опубликую? И как же людям после этого в глаза смотреть прикажешь? Карп залег на дно и забился в судороге. Падение с велосипеда на ровной дороге было бы менее неожиданным и, главное, менее болезненным.

– То есть, чтобы вы поставили мой материал, я же вам еще двести баксов заслать должен?

– Но ты же согласился? Ладно, так и быть, на первый раз тащи сто пятьдесят – и по рукам.

И не «заслать»... Оплатить. Что я, взяточник, по-твоему?

– Так у меня, это, как бы нет.

– Нет или как бы нет?

– Нет.

– А зачем же ты статью принес?

Карп наполовину зарылся в аквариумные камни, не прекращая вертеть хвостом, давая понять, что он умирает со смеху.

– Так вот... – Шурик развел руками, не зная, что и ответить.

– И какие проблемы? – Коваль, быстро надев очки, заглянул в блокнот, – какие проблемы, Саша? Сколько ты за эту тему получил? Пятисоточку, как минимум. А я по совести прошу, всего сто пятьдесят. Меньше, извини, не могу.

– Так я же ничего не получил, я как бы сам...

– Как бы или сам?

– Сам.

– Ты хочешь сказать, что написал это по собственной инициативе?

– Конечно. Получил информацию, проверил, обработал...

Карп подышал со смеху. Василий Егорович доброжелательно улыбнулся. Петелька-индикатор упала на ворот.

– Извини, Александр, но ты можешь рассказывать это вон ему, – палец ткнул на карпа, – а я в журналистике, слава Господу, уже четвертый десяток... Все ясно? Хочешь, скажу, как дело было? Пожалуйста! Подошел к тебе какой-то господин хороший, положил в нагрудный карман конвертик и попросил описать все вот это «динамо». Зачем – не знаю, хозяин – барин. Ты где сейчас подвешен?

– Нигде, но пишу для «Рассадника», – вяло ответил Шурик.

– Во! Стало быть, получаешь мало. «Рассадник» у нас сегодня цветет. Поэтому ты с радостью согласился. Может, и без радости. И еще тебя попросили пристроить материал в газету посолидней, типа моего «Вестника», а договор оставить в тайне. Так что не «сам», Сашенька, а «как бы сам». Именно, «как бы».

Побившись вдоволь о камни, карп вновь застыл на месте, пучеглазо уставившись на гостя.

– Но я и вправду сам! Мне никто не платил, – начал оправдываться Шурик, будто провинившийся школьник, – поверьте, Василий Егорович. И денег у меня последний червонец. Я надеялся, что...

– Я ж тебе сказал, мне своим архаровцам платить нечего! Кризис! Долгов, как вшей на дворняге. Ты посмотри, сколько бумага стоит? Как бы вообще газета не того, тьфу-тьфу. Горлов

вон уйти грозит, а Горлов сейчас нарасхват, авторитет, Кобзона вроде знает. Как удержать? А ты говоришь, поставьте...

Коваль раздраженно кивнул на монитор:

– Да и текст, по правде говоря, доработать не мешало бы. Стержень, конечно, есть, но стиль до нашего уровня не дотягивает. Штампов многовато, желтизна местами видна. Чувствуется, что торопился. Так ведь?

– Ну, так... Не полгода же мне статью писать? Не повесть все-таки.

– Какая разница? Качество прежде всего. Качество – это наше лицо. Давай так сделаем. Бери статью назад, неделку над ней посиди, доработай. Приноси в следующий четверг, посмотрим, что получится.

Василий Егорович сделал пометку в блокноте.

– А это?... – Шурик виновато сконфузился, – ну... Деньги?

– Там видно будет, – сухо ответил Батискаф, – если текст получится качественный, на нашем уровне, возможно, поставим его так, без оплаты... Хотя ведь откровенная «заказуха». Рука не поднимается. Держи.

Он вынул дискету и положил на стол.

– Накануне позвони, я назначу время. Дерзай. Да, погоди-ка... У тебя телефончик есть? Вдруг все-таки раньше получится. Анька тебе брякнет.

– Телефон есть у коменданта, – заметно скисшим голосом ответил Шурик, – но у меня в комнате параллельный.

– Какого коменданта?

– Общежития.

– Ты в общежитии, что ль, живешь?

– Да, в «бетонке», от завода железобетонных изделий. Имени Клары Цеткин.

– Понятно. В общем, работай. Творческих успехов.

Карп развалился на камнях кверху брюхом, закрыв глаза, будто загорающий курортник на пляже.

В коридоре Горлов-Глоткин шептался с известным криминальным репортером Артемом Карасевым. Карасев, молодой человек двадцати пяти лет, начинал когда-то в «Вечернем Новоблудске», прославился после совершенного на него покушения ^{note 2} и теперь находился в свободном творческом плавании. Благодаря раскрученному имени его охотно публиковали многие издания, в том числе и «Вестник», хотя в «Вестнике» работал собственный криминальный корреспондент Макс Кутузкин. Вдохновленный появлением на книжном рынке сборников «Бандитская Россия», «Москва бандитская» и прочих бестселлеров о бандитских вотчинах, Карасев решил осчастливить земляков аналогичным творением, назвав его более гордо и благозвучно «Мафия Новоблудска». Это в Москве да в Питере бандюги. В Новоблудске исключительно мафия. Судя по многочисленным анонсам, горожане смогут узнать о собственной козачности через месяц-другой.

Шурик был знаком с Карасевым, так сказать, визуально, на каком-то фуршете они стояли за столом рядом, брали закуски из одной тарелки, запивая шампанским из одной бутылки. Схвачив штук шесть пирожных и пару бутербродов, Карасев заарканил одинокую журналистку с коммерческой радиостанции и умчался с ней обсуждать проблемы творчества, прихватив с фуршетного стола пузырь коньяка.

– Ну как? – Витька, заметив расстроенного Шурика, прервал разговор с Карасевым.

– А никак, – обреченно махнул рукой тот.

– Бывает... Что поделать, брат? Забиты теплые места («Воскресенье»). Батискаф бабок не дает?

– Сам просит.

– И то и другое я видел не раз («Машина времени»). Не переживай («Секрет»). Возьми папироску, дерни винца («Агата Кристи»).

– Но это ж нелепица! Все равно, что самого себя разводить и самому себе забивать «стрелку».

– Гляжусь в тебя, Шурик, как в зеркало (Юрий Антонов).

Назад, в общагу, Шурик возвращался пешком. Для начала мая было жарковато.

ГЛАВА 2

Творческий путь журналиста Александра Тихомирова начинался в малотиражке «Красный монолит» новоблудского завода железобетонных конструкций. Газета освещала трудовые будни железных бетонщиков, расходясь тиражом в пятьсот экземпляров по территории предприятия. Слово «красный» в названии последнего было традиционным для эпохи социалистического реализма, но при этом имело красивую слезовыжи-мательную историю. Мемориальная доска, долгое время висевшая возле проходной, гласила, что на этом месте в 1905 году царская гвардия расстреляла мирных рабочих, выступивших против режима. В память о пролитой крови невинных трудящихся завод и назван красным. Автора текста сознательно либо по незнанию ввели в заблуждение. В девятьсот пятом году, кроме зловонных болот, в округе ничего примечательного не имелось. А если бы рабочих вдруг и занесло помитинговать в трясины, то царская гвардия только бы обрадовалась – сами утонут. Впрочем, сейчас про эту историческую неточность все позабыли, а доску как-то ночью свинтили бомжи и сдали в пункт приема цветных металлов.

Шурик трудился на «Красном монолите» с начала девяностых, устроившись как раз перед нашествием приватизации на родную землю. Биография его не была заляпана пятнами общественных язв, но и не претендовала на звание выдающейся. Из анкеты, аккуратно заполненной в отделе кадров, усматривалось, что пол у Шурика исключительно мужской, место рождения – поселок Малая Шушера Новоблудской области, читает и переводит английский со словарем, за рубежом родственников не имеет, в армии службу проходил. На заводе Шурик появился по зову сердца и приятеля отца – дяди Лени, посулившего молодому рабочему место в общежитии, квалифицированный труд и достойную заработную плату. Леонид Сергеевич возглавлял профсоюзный комитет «Монолита», активно защищая права некоторых членов трудового коллектива согласно имевшемуся у него списку.

Шурик-предложение принял, несмотря на то что родители имели собственный дом в Малой Шушере. Ведь поселок есть поселок. А Новоблудск, хоть и не Чикаго, но все ж город. К тому же душа просила свободы, которая прежде всего подразумевала отсутствие родительской опеки. Шурик был единственным ребенком в семье, двадцать семь лет назад мать родила его, не дожив пару месяцев. Больше детей она иметь, увы, не могла, и Шурик оказался последним мужчиной в роду. Отец всю жизнь шоферил на местном автобусе, мать сидела в поселковом узле связи, отправляя телеграммы. Окончив школу без похвальной грамоты, Александр Тихомиров отправился защищать воздушные рубежи Родины в рядах ракетных войск, а демобилизовавшись, принялся искать место под малолушкерским солнцем, недельку пропьянствовав, как того требовал воинский обычай. Тут и подвернулся дядя Лёня, земляк, заехавший как-то к отцу вспомнить юность. После четвертого пике на «Столичную» он похлопал сидевшего рядом Шурика по плечу и по-отечески произнес:

– Не хрен тебе, Александр, в деревне делать. Давай к нам, на «Монолит»! У нас перспектива, загранкомандировки, собственный профилакторий! С крышей помогу, с учебой решим. Ну? Гляди, пока предлагаю, а то у нас люди по году места ждут.

На самом деле на «Монолите» существовал резкий дефицит кадров, и дядя Лёня при каждом удобном случае заманивал трудовые кадры загранкомандировками и профилакторием.

«Была не была!» – согласно мотнул хмельной головой Тихомиров-младший, мысленно представляя себя в западноевропейской стране на конференции по обмену железобетонным опытом. И через неделю, в должности специалиста погрузочно-транспортных работ, он уже корячил по заводу тележку с бетонной шпалой, набираясь необходимого для будущей поездки опыта. Оклад в девяносто карбованцев придавал творческому труду необыкновенное вдохновение. С крышей дядя Лёня не подвел, пристроив молодого специалиста в отдельную семи-

метровую комнату заводской общаги и по благу поставив на городскую очередь. Имея склонность к гуманитарным дисциплинам, Шурик поступил на заочное отделение Новоблудского государственного университета, став примером для подражания молодому поколению общежития. «Шурыч! – соблазняло по вечерам поколение, – водку будешь пить?» – «Нет, – твердо отвечал студент-грузчик, кивая на учебник, – у меня завтра зачет по Гегелю». – «А может, тогда к девкам?» – «Не могу, говорю же – Гегель». – «За что тебя Боженька-то так наказал?»

Шурик не обращал внимания на обидные упреки, гармонично развиваясь со всех сторон. Днем физически, таская шпалы, вечером – духовно, лохматя учебники по философии. На почве поэзии он сошелся с комендантом общежития Тамарой, одинокой дамой средних лет, обожавшей Блока и писавшей стихи. Стихи до Блока не дотягивали, радуя глаз читавшего рифмами типа «розы – слезы», «туча – круча» и тому подобными. Шурик терпеливо слушал, громко восхищался и настоятельно требовал писать дальше. За это Тамара не подселяла к нему соседа, позволяла пользоваться служебным телефоном, стоявшим у нее в кабинете, и разрешала приводить гостей после ноля. Грешно было не пользоваться перечисленными благами. Организм, даже ослабленный сваями и Гегелем, настойчиво и совершенно справедливо жаждал удовольствий определенного рода, тем более что коллектив на предприятии «Красный монолит» состоял в основном из прекрасных женщин. На первую полочку Шурик купил в комиссионке деревянную тахту, ибо скрипучие пружины казенной железной кровати совершенно выбивали процесс из нормального течения и после первых аккордов в стены барабанили соседи, требуя остановить разврат.

Собственно, тахта и привела Шурика в чудесный мир журналистики. Отдав год активной жизни тележке и бетонным шпалам, он вдруг явственно осознал, что на девяносто рэ гармонично развиваться абсолютно нереально. Познания же в филологии никоим образом на личном бюджете не сказывались, и Шурик уже подумывал, не пора ли кончать с Гегелем, от цитат которого начинало тошнить. Но в этот самый момент слух о грузчике-филологе дошел до ушей редактора «Цемент», который немедленно решил поведать читателям о молодом рабочем, отправив к нему для интервью начинающего корреспондента Нину. Шум цеха не давал говорить откровенно, и молодой рабочий предложил провести беседу в более спокойной, серьезной обстановке, к примеру, в комнате общежития на Первой Махровой. Что было встречено начинающим корреспондентом с плохо скрываемой радостью в глазах, то есть исключительно по-деловому.

Интервью удалось. Шурик слегка очумел от тем, затрагиваемых при общении, но держался достойно. Нина же пришла в восторг, слушая грамотные, прекрасно сформулированные ответы. Эмоции лились через край. Завистливые соседи пытались сорвать встречу рабочего с представителем печати стуками в картонные стены и криками о недопустимости нарушения правил социалистического общежития. Утром, подводя итоги и глаза, Нина заметила, что неплохо бы опубликовать целую серию репортажей об Александре Тихомирове, человеке нового мышления. Человек, ползавший по полу в поисках носка, прокряхтел: «Легко».

Неожиданно Нина с ужасом вспомнила, что сегодня должна сдать материал в рубрику «Ветер перемен» о мастере арматурного цеха Федоре Семиглазове. Редактор «Цемент» слыл самодуром и рубил премии по любому поводу. Задержка же с материалом грозила лишением тринадцатой зарплаты, а то и выговором. Самое страшное, что Нина даже не успела познакомиться с Семиглазовым и, соответственно, понятия не имела, как на нем отразилась перестройка. К счастью, мастера немножко знал Шурик. Говорили, что как до перестройки, так и после Семиглазов трезвым на работу приходил крайне редко, ведь, по его словам, «руководить этим б...твом без стакана во лбу крайне противопоказано». Конец цитаты. При общении с коллективом Федор, не таясь, использовал фразеологические обороты, способные вогнать в краску даже почетную шлюху. Собственно, это была вся информация, которой располагал

Тихомиров. Нина расплакалась, не в силах смириться с мыслью о будущем выговоре. «Фигня! – заботливо успокоил ее Шурик, – сейчас борьба с пьянством, как раз в яблочко».

– Какое яблочко, Саша?! Чтоб меня этот Семиглазов завтра в цемент закатал?! И при чем здесь «Ветер перемен»?

– Тогда я сам. Мне цемент не страшен. Я не зря шпалы целый год возил, – Шурик схватил валявшуюся на столе авторучку и тетрадку с конспектом по языкознанию, – а ты пока вымой пол и посуду.

Уборка комнаты заняла около часа, и ровно столько же ушло на статью, едко клеймившую позором пьяницу и матерщинника Семиглазова. Шурик погрыз кончик ручки, обдумывая заключительную фразу, и наконец вывел классическое:

«Стыдно, товарищ! Александр Тихомиров». Нина, вернувшись с кухни, прочла очерк, вытерла пот со лба и облегченно выдохнула: «Ты умница, Саша! Я спасена!» Затем схватила сумочку, диктофон, чмокнула гордого собой Шурика и помчалась в редакцию «Цемент».

Через пару дней в столовке к Шурику подвалил мастер Семиглазов и, хлопнув его сзади по плечу накачанной железобетонной лапой, пробасил:

«Ну ты, етицкий корень, дал!» Филолог, став похожим на голодный обморок, намертво сжал в руке алюминиевую вилку, решив живым не сдаваться. Но Федор неожиданно обнажил в улыбке щербатые, прокуренные зубы и, наполняя воздух ароматом спиртосодержащих продуктов, дружелюбно добавил: «Спасибо, братишка! С меня пол-литры». После громко икнул и, выдав порцию легкого, ажурного мата, пошел забивать послеобеденного «козла». Шурик, по-прежнему сжимая вилку, на ватных ногах выполз в коридор и позвонил в редакцию «Цемент» по висящему на стене местному телефону.

– Нин, это я, Саша. Статья вышла?

– Да, Сашенька. В сегодняшнем номере. Мы ее чуть-чуть отредактировали. Поздравляю с дебютом. Гонорар на следующей неделе начислим. Тебе не горит?

– Не горит. А что, за это еще и деньги платят?

– Конечно.

– Сколько?! – скорее из интереса, нежели из корысти, спросил Шурик.

– Двадцать два рубля восемнадцать копеек... Кстати, если надумаешь еще о ком-нибудь написать, будем рады.

– Я тоже буду. Пока.

Выбросив вилку, новорожденный журналист бросился в туалет, где всегда лежала стопка «Цемент». Но свежего номера там не оказалось. Пришлось бежать в канцелярию. Газета еще благоухала типографской краской. Шурик развернул ее, не уходя из канцелярии, и, пробежав глазами, нашел родную фамилию под статьей. Очерк был размещен не в рубрике «Ветер перемен», а в столбце «Творчество наших читателей» и назывался «Живет такой мастер».

«Вот уже второй десяток лет по-ударному трудится на нашем предприятии мастер арматурного цеха Федор Семиглазов. Совсем юнцом пришел он в цех, и с тех пор вся его жизнь крепко-накрепко связана с арматурой. Товарищи за глаза называют его „Железным Федором“, а он и не обижается, скорее наоборот, гордится таким званием... Те, кто не первый год знаком с Федором Михайловичем, сказали мне по секрету, что больше всего на свете любит мастер почитать в обеденный перерыв своего знаменитого тезку Достоевского, а после прочтения надолго задумывается о загадках русской души. Может, благодаря этому сумел Федор Михайлович грамотно организовать производство арматуры в родном цеху, постоянно добиваясь отличных показателей? А недавно он выступил застрельщиком еще одной прекрасной инициативы. Полностью поддерживая борьбу правительства с пьянством, предложил организовать в цеху клуб трезвенников, в задачи которого входит агитация за здоровый образ жизни помощь оступившимся, создание выездной бригады, выпуск стенгазеты...»

Затем на полстолбца растянулась прямая речь героя публикации, в которой Семиглазов рассказывал о бескорыстной любви к животным и о необходимости перестройки сознания. Вместо шуриковского «Стыдно, товарищ» финал украсило:

«Так держать, Железный Федор!»...

«Что держать? – подумал Шурик. – Стакан, что ли?» Минут пять он переваривал прочитанное, пытаясь понять, в чем же смысл Ниночкиной фразы «чуть-чуть отредактировали». Ведь от первоначального варианта в статье остались только два слова. Александр Тихомиров. Наверное, в ту минуту Шурик напоминал Карлсона, который прыгнул с крыши и вдруг вспомнил, что оставил дома пропеллер. «Какой Достоевский?! Какой клуб трезвости?! Таким откровениям самое место в медицинской карточке душевно раненного! Я сейчас устрою этому „цементному» редактору клуб трезвости!»

Хлопнув дверью так, что в стоящей на канцелярском столе пишущей машинке звякнул колокольчик, Шурик выскочил в коридор, но вдруг замер, вспомнив загадочное слово «гоно-рар». Он присел на подоконник, еще раз, без суеты, перечитал очерк. «А может, и правда Семиглазов Достоевского любит? А матерится из-за близости к народу. Тем более кто нынче не матерится? Можно подумать, писатели наши, кудесники строки, исключительно высоким ямбом общаются. Или правители. Хрен там. Чешут похлеще гопоты у ларька. И водку трескают будь здоров! Что, Достоевский не пил? Поговаривают, еще как закладывал, особенно когда в карты продувался... В общем, для двадцати двух рублей совсем и не плохо...»

В следующем номере, не без участия Ниночки, появилась еще одна заметка начинающего журналиста Александра Тихомирова. На сей раз она посвящалась трубоукладчику Семену Кайкину, построившему на территории завода настоящий парник для выращивания огурцов. Огурцы поступали прямо с грядки в столовую, сохраняя витамины и свежесть. С утра до позднего вечера рабочий подвязывал рассаду, удобрял грядки и боролся с сорняками. «Перестройка в действии, перестройка шагает по стране!» – такими словами заканчивался материал. На снимке улыбающийся Кайкин держал двумя руками здоровенный огурец, причем в весьма интригующем положении. «Я достаю из широких штанин...» Фотографию комментировал текст с небольшой, но обидной опечаткой: «Вот такого красавца вырастил ТРУПОУКЛАДЧИК нашего предприятия Семен Кайкин». Хорошо хоть не отрастил... За фотку Шурик получил лишний червонец.

Новое увлечение затягивало, как трясина. Вскоре Шурик стал своим человеком в «Цементе», и редкий номер обходился без его смелых материалов. Набивалась рука, появился стиль. Помогало и незаконченное филологическое образование. Короче, все шло к логическому концу. Теплым летним утром Нина в торжественной обстановке сообщила, что готовиться стать матерью и уходит в декрет. Имя отца держалось в строгой тайне, но, судя по тому, что целый ряд публикаций журналистки посвящался дяде Лене, в свалившемся на нее счастье наверняка был замешан профсоюзный комитет. Освободившуюся вакансию предложили занять Шурику. «Не мужицкое это дело – пером скрипеть», – пристыдил дядя Ленья, но приказ подписал.

С тележкой и шпалой, таким образом, было покончено. В «Цементе» работали два штатных корреспондента. Шурик и ветеран пера Степан Андреевич Перегуда, по кличке «Пере-гудыч», начинавший свою карьеру во времена холодной войны между Штатами и Советским Союзом. Остальные авторы печатались в рубриках «Творчество наших читателей» и «Нам пишут». «Запомни, – любил повторять Шурику Перегуда, – труд журналиста не должен оцениваться цифрой в ведомости на зарплату». – «Я понял», – отвечал Шурик, покусывая карандаш в раздумьях над очередной фразой. Он действительно понял, поэтому для начала пропихнул в газету Тамарино стихотворение, за что та разрешила провести в его комнату телефон, запараллелив со своим. Это было очень удобно, персональная связь открывала огромные профессиональные возможности для молодого, одинокого человека. Ремонт комнатных стен совершенно

бескорыстно произвел бригадир штукатуров, растроганный заметкой «Золотой мастерок». С каждым днем Шурик все больше убеждался в волшебных свойствах пера и не жалел, что сменил профессию.

Но в один прекрасный, вернее совсем не прекрасный денек все рухнуло. В заводские ворота постучалась приватизация, тасуя в костлявых руках колоду ваучеров. Государственное предприятие «Завод железобетонных изделий имени Клары Цеткин» превратилось в акционерное общество закрытого типа, а работяги в партнеров. Ускоренную распродажу оборудования и имущества руководство объяснило новой государственной стратегией. В профкоме рядом с дядей Леной занял место проводник стратегии – богатырского вида юноша, с лицом, похожим на барабан. Не потому, что оно было круглым, а потому, что по нему непроизвольно хотелось ударить палочкой. Должность проводника звучала как «советник по общим вопросам». Через месяц советника расстреляли прямо на проходной, изрешетив из двух автоматов. На его место пришел другой – жилистый мужичонка лет пятидесяти, с выколотыми на правой руке церковью и тремя буквами «ЗЛО», означавшими «За все легавым отомщу». Дверь профкома украсила новая, позолоченная табличка «Чих-Пых, основной по коммерции и безопасности». Дядя Леня, отстоявший в нелегкой борьбе свою долю акций, рванул на Кипр, где прикупил средних размеров бунгало с фонтаном, и теперь отстаивал права работников в основном по мобильному телефону. Производство бетона постепенно свернулось, что было объявлено вторым этапом стратегии. Начались стратегические задержки с зарплатой и бессрочные отпуска. Когда гегемон затосковал, боссы предложили рассчитываться с ним остатками цемента и бетонными шпалами. Но кашу из цемента не сварить, шпалы в быту вещь не очень нужная, и

Гегемон отказался.

Герой первой тихомировской публикации мастер Семиглазов после закрытия арматурного цеха неделю гудел, а на восьмой день был найден холодным рядом с пустой канистрой из-под технического спирта. Окоченевшей рукой он сжимал роман Достоевского «Бесы».

Руководство призывало народ не паниковать, обещая наступление третьего этапа, и предлагало вкладывать лишние сбережения в акции предприятия и становиться полноправными участниками реформ. Народ вкладывал. Перегуда печатал в еще не

Закрытом «Цементе» мудреные экономические статьи, в которых никто ничего не понимал, даже сам автор. Через полгода по опустевшим и остывшим цехам гудел веселый ветер и бродили стаи бездомных животных, в основном собак. Остатки приватизированного оборудования заводчане растащили по дачным участкам. Кабинеты в административном здании сдавались в аренду торговцам бананами и зубной пастой, благодаря чему на промышленном гиганте существовала видимость производства. Командиры, свалив все стратегические просчеты на «черный вторник», умыли руки. Чих-Пых, прокричав на прощание: «Ша, козлы!», сел в джип и скрылся в сиреновом тумане...

Когда «Цемент» зацементировался, Перегудыч с грустью покачал мудрой головой и обречено изрек:

– Все, отписались. Валить надо.

И, не дожидаясь окончательной победы демократии над заводом, тоже махнул торговать зубной пастой.

Шурик решил остаться. Во-первых, он был привязан к заводу пропиской, во-вторых, до конца не верил в крах бетонного колосса. Уйти, в конце концов, никогда не поздно. Тамара во время великой стратегии смогла отстоять здание общежития, даже ездила на «стрелку» с Чих-Пыхом, положившему на него глаз и решившему толкнуть его каким-то столичным деятелем. Те же, в свою очередь, планировали разбить здесь ночной клуб с рулеткой и номерами. Говорят, что когда Чих-Пых принялся кривить рожу, брызгать слюной и заламывать пальцы, Тамара засветила ему в левое ухо, отчего основной по коммерции грохнулся на землю, потом

вскочил и, рванув версачевскую рубашку на груди, прокричал: «Врете, менты-суки, живым не сдамся!..» Тамара вернулась в общагу и сдала подвальное помещение польским товарищам под склад элитной французской парфюмерии. Благодаря этому жизнеобеспечивающие системы здания продолжали функционировать, хотя

И с перебоями.

Шурик, оставшись не у дел, стал лихорадочно искать применение своему репортерскому таланту. Но мир новоблудских масс-медиа оказался тесен и повернулся к Тихомирову задом. Много вас тут таких, талантов непризнанных. Пооколачивав пороги местных изданий и слыша туалетное «занято», он понял, что надеяться можно только на собственные силы и всё ту же проверенную временем подругу – тахту. Тахта, конечно, уже поскрипывала, выпестовала за годы не одно поколение клопов, но функции свои выполняла исправно.

Перегудыч как-то заметил, что чем хуже жизнь, тем больше фуршетов. Фуршеты постоянно сопровождали выдающиеся события типа открытия ларьков или презентации фирм. И журналисты были здесь всегда почетными гостями, несшими рекламу в массы. Попасть на фуршет Шурику не составляло никакого труда, по поводу чего бы тот ни проводился. Красные корочки с магическим словом «ПРЕССА», выданные ему в «Цементе», гарантировали свободный доступ к столу. За очередным таким столом, устроенным, кажется, по поводу открытия первого новоблудского ночного клуба «Отвертка», Шурик случайно пересекся взглядами с главным редактором еженедельного журнала «Рассадник» Людмилой Анатольевной Цветковской, милой дамой плотного сложения. «Рассадник» освещал вопросы приусадебного хозяйства и прикладного садоводства, выходя в яркой глянцевой обложке и на шикарной финской бумаге. Что сразу наводило на мысли о серьезном покровителе, отмывавшем денежки посредством данного издания. Все-таки огородная грядка, даже прекрасно ухоженная, с точки зрения читательского спроса заведомо уступает той же голой женской заднице, пусть и не ухоженной совершенно. И стоит ли тратить на статьи о колорадском жуке дорогущую финскую бумагу? Присутствие главного лица «Рассадника» на явно не огородном мероприятии тоже наводило на соответствующие мысли. Поэтому упомянутое пересечение взглядов, приведшее впоследствии героев на тахту, было со стороны Шурика, наверное, не совсем случайным. Как, впрочем, и со стороны Людмилы Анатольевны. Хоть и замужнему, редактору не хватало в судьбе чуточку похотливого мужского внимания. Тахта устранила существовавшие жизненные неудобства. На следующий день Шурик уже строчил «Кулинарные советы» в качестве внештатного корреспондента «Рассадника», а Цветковская предавалась сладостным воспоминаниям, с надеждой на новые, более сильные впечатления. Гонорары огородного журнала хоть и не позволяли наслаждаться жизнью в неразумных пределах, но железно обеспечивали регулярным трехразовым питанием. Что касается кулинарных советов, то их Александр Тихомиров беззастенчиво переридил из аналогичных изданий, меняя слова местами, а когда ничего подходящего не находил, выдумывал рецепты из головы, в твердой уверенности, что все равно по ним готовить никто никогда не будет. И жестоко просчитался. Какая-то ненормальная женушка решила сделать своему крутому богатому котеночку маленький сюрприз для поддержания домашнего очага. Пошла к газетному киоску, выбрала самый дорогой, красивый журнал и приготовила по рецепту бабы Шуры (под таким псевдонимом работал мастер-кулинар Тихомиров) баранину под шубой. Неизвестно, куда вкралась ошибка, то ли в баранину, то ли в шубу, но на следующий день в редакцию влетела разъяренная хранительница очага и, потрясая «Рассадником» перед лицом Цветковской, заявила, что засудит это осиное гнездо к чертовой матери. При этом требовала отдать в ее заботливые женские ручки полоумную бабу Шуру. Оказалось, что после второго куса баранины супруг почувствовал тяжелое недомогание, перешедшее в приступ безудержной рвоты. Когда баранина оказалась в унитазе, у бедняги поднялась температура и началась лихорадка. Приехавшая реанимационная бригада зафиксировала острое пищевое отравление и увезла пострадавшего в больницу, где ему пришлось сделать перели-

вание крови. Выйдя из лихорадки, тот прошептал неприятное слово «сука» и вызвал своего нотариуса. Как оказалось, за неделю до сюрприза стареющий муж оформил завещание на свою любимую, но еще молодую супругу... А теперь эта хитрая тварь, дабы сохранить завещанное барахло, решила перевести стрелки на беззащитную бабу Шуру из миролюбивого журнала «Рассадник»!.. «Не выйдет! – ответила на демарш Людмила Анатольевна, – наш журнал людей не травит! Я сама готовила баранину под шубой и, как видите, жива!»

Но, во избежание аналогичных конфликтов, Шурика перекинули на более безопасную тематику «Советы огороднику». Здесь, в случае чего, все можно свалить на переменчивые погодные условия. Псевдоним тоже пришлось сменить. Теперь советы раздавала бабушка с редким, но красивым именем Прозерпина.

Плавное течение жизни сохранилось, но, увы, ненадолго. Относительное постоянство, как известно, существует только на кладбище. Дождливый осенним вечером в мирно стоявший у обочины экскаватор на скорости сто шестьдесят километров в час въехал «мерсачок», за рулем которого сидел скромный чиновник городской администрации, носивший в определенных кругах кличку «Чугун». Все, что осталось от бедняги, кремировали и погребли при большом стечении иномарок. Вроде бы это событие не должно было сказаться на положении дел в «Рассаднике», но, блин, сказалось. Сначала исчез глянец с обложки, потом посерела бумага. На шесть страниц уменьшился объем, упал тираж, и, что самое безобразное, обвалились гонорары. Пришлось сократить штаты. Шурик не стал выяснять у Людмилы Анатольевны причин, ей и без того было тяжело после трагедии с Чугуном, памяти которого «Рассадник» посвятил целую полосу. Кстати, после гибели чиновника развалилось хозяйство еще в десятке достойных учреждений, в том числе паре газет. Шурик, к его чести, не оставил Цветковскую наедине со своим горем. И хотя держать внештатного автора являлось теперь для журнала непозволительной роскошью, Людмила Анатольевна сохранила рубрику «Советы огороднику». Что касается гонораров, то их не хватало теперь даже на квартплату, вследствие чего Шурик вновь вынужден был полюбить поэзию, громко восторгаясь новыми строфами Тамары. Однако стихами сыт не будешь, желудок, привыкший к регулярному приему пищи, подло требовал продолжения банкета. Но кроме как таскать тележку и писать никому не нужные заметки, господин Тихомиров ничего не умел. Диплом же филолога в настоящий момент был подложен под ножку стола, чтобы последний не качался. К сожалению, другого применения ему не нашлось. Шурик, однако, не падал духом. По выходным он таскал на городском рынке мешки с картошкой, на буднях мотался по издательствам, предлагая свою творческую продукцию. В принципе, на сегодняшний день Шурик мог осветить достаточно профессионально, с журналистской точки зрения, любую тему. Начиная от балета и заканчивая чудесами мануальной терапии. Даже если толком не знал, что это такое. В основном его услугами пользовались редакторы откровенно бульварных изданий, давая заказ написать статьи типа «Тайные страницы биографии Леонардо Ди Каприо» или «Пытки в древнем Китае». Задание выполнялось в течение получаса, со спокойным сердцем. Вряд ли кто проверит – тянули в древнем Китае жилы специальными крючками или не тянули, болел ли в детстве Ди Каприо свинкой или не болел? Еще смешнее предположить, что Лео подаст в ново-блудский суд за причиненный моральный вред.

Но грянул кризис, бульварные газеты упали в цене, и редакторы вежливо отказывались от услуг талантливого, но левого автора. Даже родной «Рассадник» в любую минуту мог стать чужим, Цветковская все чаще поглядывала на дверь. Заказные статьи на политические или коммерческие темы на страницах ее журнала смотрелись бы как корона на свинье, реклама удобрений не делала погоды, а рассчитывать на самоокупаемость было по меньшей мере нелепо.

Вновь обострился вопрос всех времен и народов – деньги, вернее, где их взять. Родителей Шурик не тревожил, хотя мать помощь предлагала. На разгрузку вагонов рассчитывать уже не приходилось, там существовала очередь из желающих потаскать мешки и ящики. Оставался

еще один проверенный способ – долги, но круг кредиторов был ограничен, и в ближайшем будущем журналист предполагал услышать твердое «нет».

Личная жизнь, в серьезном понимании этого слова, пока не ладилась. Единственная и неповторимая дорогу молодому человеку до сих пор не перешла, хотя Шурик настойчиво шарил глазами по местам ее возможного появления. Года три назад вроде нашарил. В читальном зале библиотеки университета. Классическое место. Она сидела рядом и читала труды Вольтера. Он расчихался, она предложила ему «Колдрекс» (НЕ РЕКЛАМА!). Впоследствии выяснилось, что это был не «Колдрекс», а обычный аспирин, а Вольтер – не Вольтер, а развлекательный журнал «Бенгальские огни». Ну и что, в конце концов? Главное, познакомились. Он проводил ее до дому и влюбился. Она призналась, что тоже. Роман продолжался неделю, ровно до того дня, когда Шурик пригласил ее домой, то есть в общежитие. Семь квадратных метров сделали свое черное дело, убив любовь на корню. Она заявила, что ошиблась в чувствах, находясь под впечатлением от Вольтера, и ушла насовсем.

После этого урока Шурик не спешил раскрывать приглянувшимся дамочкам душу и заводил с ними исключительно дружеские контакты, как правило, переходящие в физические, но не более. Сегодняшняя история с Ковалем Шурика совершенно не удивила. И Коваля он где-то понимал.

На государственных харчах с голодухи опухнешь. А заказные статьи?.. Шурик был уверен, что их не пишут только те, кому не предлагают. Либо предлагают, но задешево. И он бы, наверно, написал. Стоит ли перед самим собой лицемерить? Жрать захочешь – сбацаешь. А какую силу имело газетное слово, никому объяснять не надо. Посильнее танков и броневой артиллерии будет. Особенно когда в нужное время и в нужном месте. Правительства в отставку гуртом уходят после маленькой заметки на первой полосе. Пятая власть.

Правда, осознание этого факта пока никак не сказывалось на судьбе маленького, безработного, никому не известного журналиста из провинциального города Новоблудска.

ГЛАВА 3

Вернувшись в общежитие, Шурик не обнаружил на вахте денежных переводов на свое имя, поднялся к себе и завалился спать. Никаких снов ему не снилось. Разбудил журналиста неназойливый стук в дверь. Шурик взглянул на будильник, зевнул и пополз открывать. На пороге стоял Генка-борода, бездомный мужчинка сорока лет, которого Тамара по доброте пустила жить в кладовку на первом этаже. В кладовке хранился казенный инвентарь типа швабр, ведер, ломаных стульев и прочего дворницкого барахла. Генка соорудил из стульев лежак, на котором и коротал долгие ночи. Разумеется, не за так, каждое утро он подметал территорию вокруг общежития, ибо штатный дворник отказался это делать. Мол, здание ведомственное, заводское, а раз ведомство мне не платит, пускай само хабарики с собачьим дерьмом и убирает. Генка не отлынивал, метлой владел в совершенстве и крышу отрабатывал на совесть. Никто не знал, откуда он появился, сам же Генка на эту тему не распространялся. К Шурику он заглядывал частенько, как к малосемейному. Сначала по чисто бытовым вопросам, а после просто так, поболтать или опростать рюмку в маленькой, но компании. Шурик заподозрил в Генке признаки хорошего образования, поднимая стакан с бормотухой, тот не ограничивался линейным «будь здоров», а цитировал Кафку и Шопенгауэра, что, впрочем, не мешало ему надираться до примитивной отключки. Однажды Генка похвастался, что закончил театральную студию, но в институт поступить не смог по причине отсутствия блата. При этом добавил, что никакой институт не превратит бездарь в талант, ибо талант категория не материальная и от блата независимая. Шурик, естественно, поинтересовался, откуда Генка родом и как его занесло в Новоблудск. Генка ответил по-сократовски: «Я родом из Вселенной». Больше об этапах своего жизненного пути он ничего не говорил, беседуя с Шуриком на отвлеченные темы философского направления.

– Шура, это я. Чего, разбудил? – Генка виновато смотрел на помятое лицо журналиста.

– Я уже просыпался.

– Ну, все равно извини... Ты счастлив оттого, что ты Александр Тихомиров, а? Шурик потер ладонью глаза.

– Ген, ты чего? Метлой перемахал?

– Хе-хе... Сальвадор Дали, просыпаясь по утрам, говорил: «Я счастлив оттого, что я Сальвадор Дали. Что бы мне сегодня гениального сделать?» Так я спрашиваю, ты счастлив оттого, что ты Александр Тихомиров?

– Ах, ты в этом смысле. Нет, Ген, не счастлив. И гениального сегодня ничего делать не собираюсь. Разве что побриться. Чего хотел-то?

– А я как раз собираюсь. И идея гениальная есть.

Генка вытащил из брезентовой штормовки, заменяющей ему почти весь гардероб, зеленую бутылку с этикеткой новоблудского портвейна и ласково погладил.

– Подфартило... А один не могу. Составишь коллектив?

Планов на вечер у Шурика не было, завтра он собирался провести родителей, поэтому отошел от двери, пропуская Генку в комнату.

– Заходи, с закусью только беда.

– У меня есть, – Генка бросил на стол два кубика «Галины Бланки» (НЕ РЕКЛАМА!), – вприкуску схаваем.

От Генки несло целым букетом ароматов – хлоркой, запахом половых тряпок и даже средством для мытья посуды «Фейри». (НЕ РЕКЛАМА!) Шурик приоткрыл форточку.

– Почему лицом грустный? – спросил Генка, разливая мутно-розовый портвейн по стаканам.

– Козлов много, – Шурик присел на тахту.

– Не будь козлов, не было бы и волков. Экологическое равновесие называется. Давай за него и выпьем.

– Мне от этого не легче, – Шурик поднял стакан, – всю ночь пахал и за это же свои деньги макать должен.

Портвейн оказался не портвейном, а химическим составом, по вкусу напоминавшим подсоленный раствор марганцовки. Генка отломил кусочек «Галины Бланки» и с наслаждением разжевывал. Шурик не стал.

– Подумаешь, ночь... Иногда полжизни отдать не жалко...

– А ты, когда просыпаешься, счастлив тем, что ты Генка?

– Ну, я, конечно, не Сальвадор Дали, но стать бы гением не отказался. Или хотя бы... Чтoб каждая бычара на рынке об меня ноги не вытирала.

Генка со злобой посмотрел на окно. Вероятно, сегодня с ним обошлись не совсем вежливо, примерно как и с Шуриком.

– А что касается счастья... Пока мне всего хватает. Вполне.

Он извлек из бездонных недр штормовки короткий окурок.

– Это только кажется, – Шурик взял стакан и допил марганцовку.

Василий Егорович Коваль, прочитав документы, собранные юристом редакции, остался вполне доволен. Теперь эта сволочь, подавшая на газету в суд, может потереться своим сто-миллионным иском. Честь и достоинство, видишь ли, уронили. Не путай ресторанный вазу с унитазом, и честь стоять будет. Подумаешь, президент компании. Сейчас этих президентов что ворон на свалке. Обидели беднягу, хулиганом называли...

Коваль бросил папку с документами на дальний край стола и погрузился в материал об инициативах городской администрации. Задумки были хороши, особенно первая. В честь двухсотлетия великого русского поэта Пушкина планировалось возвести монумент на одной из ново-блудских площадей, таким образом отдав дань уважения всемирно признанному гению. Инициатором выступал один из вице-мэров города, отвечающий за финансовые вопросы. Автор статьи с яростью доказывал, что город не может оставаться в стороне, когда все прогрессивное человечество собирается отметить столь славный юбилей. «Мы говорим о духовном возрождении, но при этом забываем, что сейчас мальчишка с томиком Пушкина в руках дороже сотни мудрецов, кричащих, что шансы нации упали до нуля!..» Деньги на памятник предлагалось выделить из казны, и за этим процессом городской финансист поклялся проследить лично.

Коваль исправил пару орфографических ошибок и подписал текст в печать. К чтению следующей заметки он приступить не успел: в дверь заглянула секретарша, предварительно постучав три раза. Это означало, что к Василию Егоровичу пожаловали гости, не имеющие отношения к штату газеты.

– К вам, – коротко доложила Анечка. Батискафа раздражала такая форма доклада. Разумеется, ко мне! Не к карпу же!

– Кто? – так же коротко спросил он, хотя уже знал, кто стоит за дверью.

Час назад ему звонили и назначили встречу.

– Двое. Они говорят, что договаривались.

– Хорошо, пусть пройдут.

Коваль не ошибся, в кабинет зашли именно те, кого он ждал. Василий Егорович поспешно вышел из-за стола, растянув челюсть в сердечной улыбке и протягивая гостям обе руки.

– Очень рад. Кофе, чай? Коньячок? Вошедшие сухо поздоровались и уселись в кресла для почетных гостей. Карп осторожно поднялся с грунта и затаился в водорослях, как снайпер в засаде. Коваль запер дверь на ключ и вернулся на свое место.

– Слушаю, Владимир Сергеевич, – услужливо, словно официант к клиенту, обратился он к сидящему слева от него мужчине.

– Это я хотел бы послушать, уважаемый господин редактор, – тот, кого звали Владимиром Сергеевичем, раскрыл дипломат и достал свернутый номер «Вестника», – что это такое?

Палец уперся в статью «Эх, ухнем!». Батискафыч поправил очки, вглядываясь в текст. Материал вышел накануне за подписью Макса Кутузкина, криминального репортера «Вестника», и был посвящен весьма популярной в народе водке «Дубинушка». Полгода назад в городе открылась новая производственная линия, и этот прекрасный напиток появился на прилавках магазинов и ларьков, причем появление сопровождалось грандиозной рекламной кампанией, не прекращающейся до сегодняшнего дня. Василий Егорович отлично помнил ролик, чуть ли не ежечасно крутившийся по местному ти-ви. Сюжет ролика был основан на популярных пушкинских мотивах, то есть на патриотизме и любви к национальным святыням. Злобный Фарлаф пронзает мечом мирно спящего под ночной луной Руслана и похищает прекрасную Людмилу. Черные силы торжествуют. Но неожиданно на фоне луны появляется мудрое лицо старца, говорящего: «Пока не наступила ночь, Руслану я смогу помочь». В следующих кадрах старец подносит дымчатую бутылку к святому источнику. Наполнив ее, он возвращается к мертвому Руслану, окропляет его раны и несколько капель вливает покойному в рот. Руслан оживает. «Что это было, отец?» Старец подносит к глазам героя бутылку и торжественно произносит:

«Дубинушка. Счастливый конец. Сделано в России». Спасенный Руслан гордо скачет в Киев, вместо меча сжимая в руке бутылку. Стоп-кадр. Надпись поперек экрана: «Дела давно минувших дней – преданья старины глубокой. Александр Сергеевич Пушкин. Двести лет со дня рождения». Несмотря на то что телереклама алкоголя была запрещена, ролик крутили, ведь прежде всего он пропагандировал национальную идею.

Разливалась «Дубинушка» в бутылки, по форме напоминающие Спасскую башню Кремля. Красочная этикетка с репродукцией репинских «Бурлаков» гарантировала, что водка изготовлена по старинным русским рецептам, на основе воды из святого источника и чистейшего зернового спирта. Название в чем-то соответствовало содержанию, после первого стакана голове наносился тяжелый удар, не хуже, чем дубинкой. Водка имела бешеный успех в городе, мало того – несколько европейских стран выразили готовность закупать ее по довольно приличным ценам.

Собственно, все это Макс в статье и описал. В преамбуле. А затем он поведал изумленному читателю, что водичку для модного и дорогого напитка берут вовсе не из святого источника, и никакой линии по его производству не существует в помине. Бодяжит «Дубину», как обзывали ее алкаши, в пустующем цеху прядильно-ниточного комбината бригада специально обученных деятелей, разбавляя грузинский спирт водой из ржавых канализационных труб. Этикетки смастрячены на устаревшем компьютере, а бутылки по дешевке закупаются в Молдавии. Все остальное сделала ее величество реклама. В заметке не говорилось, кто и на чьи деньги устроил такой впечатляющий промоушн, но пара намеков на городские власти имелась. Публикация снабжалась фотографией цеха, окруженного колючей проволокой и охраняемого людьми с автоматами и собаками злобных пород.

Василий Егорович дал добро на публикацию, предварительно выяснив у Макса, сможет ли тот доказать истинность своих слов в суде. Макс утвердительно кивнул, заверив, что располагает неопровержимыми доказательствами и в любую секунду готов их представить. Каких-либо знакомых имен и фамилий в заметке не мелькало, и Батискафыч поставил визу. Газета, в конце концов, обязана раскрывать народу глаза на негативные проявления.

– Так что это? – повторил вопрос Владимир Сергеевич тоном, от которого у Коваля похолодели ноги.

– Я плохо вижу отсюда, разрешите... – редактор протянул руку за газетой. – Спасибо. «Эх, ухнем!», Максим Кутузки... Хм. Автор наш, но текста я что-то не припоминаю. Минуточку...

Шеф «Вестника» был дипломатом и по возможности уклонялся от прямого ответа. Он пробежал глазами хорошо знакомый текст и поднял голову.

– И что? Это не правда?

– Кто дал разрешение на выход этой пурги? – не ответив, переспросил Владимир Сергеевич.

– Я не могу так сразу сказать... Возможно, один из загов. Но в чем, однако, проблема? Статья не соответствует действительности?

– Проблема в том, драгоценный мой Василий Егорович, что со следующего месяца вы лишаетесь нашей моральной и материальной поддержки. Думаю, надолго. Надеюсь, за это время вы поймете, что можно доверять замам, а что надо делать самому.

Карп выплыл из засады и прилип к стеклу, осторожно поглядывая на кормушку.

– Помилуйте... Давайте разберемся, Владимир Сергеевич. Мы примем меры, накажем виновного... Уволим... Возможно, нас подставили, слили непроверенную информацию, я недоглядел...

Сейчас Батискафыч походил на оправдывающегося перед дорожными инспекторами нарушителя. Что и понятно. От господ, сидевших перед ним, напрямую зависел материальный достаток прославленного издания. Конечно, Василий Егорович ужасно переживал по этому поводу, матеря про себя гнилую ситуацию, но прекрасно понимал, что скажи он «нет», завтра на его месте будет сидеть новый редактор, говорящий только «да». И о людях думать надо. Вон, редактор «Молодежи Новоблудска» играет в независимость, и что хорошего? Репортеров ветром качает, они с голодухи скоро свою независимую газету жевать начнут. Нынче время такое, независимость на бутерброд не намажешь, даже на очень маленький.

Владимир Сергеевич являлся личным поверенным господина Лазаревского, выдающегося банкира, нефтяного магната и просто хорошего, доброго человека, державшего в своих цепких руках половину золотого запаса города. У каждого свой путь к золотому запасу, каков был путь у Геннадия Лазаревского, не столь важно. Пусть это будет его маленьким секретом. Главное – вот он, ключик от дверцы, висит на брючном ремне. Коваль познакомился с Лазаревским полтора года назад, когда независимое издание было намертво придавлено тяжелой пятой демократии. На те крохи, что поступали в редакцию из казны, можно было издать газету форматом со спичечную этикетку и тиражом десять экземпляров. Крутиться самому, как это делали коллеги из желтых изданий. Коваль считал ниже собственного достоинства. Он человек солидный, заслуженный. Он не будет, подобно пустоголовому шефу «Бенгальских огней», торговать в электричках собственным продуктом. Ну и плевать, что теперь шеф «Огней» на джипе ездит, джипы у многих есть, а авторитет еще заслужить надо. Услышав о бедственном положении уважаемой, авторитетной газеты, меценат Лазаревский искренне взмахнул руками и тут же предложил посильную помощь, выраженную в условных единицах. Растроганный Коваль не мог не отреагировать на такое проявление чувств и согласился. Все встало на свои места и до сих пор прочно стояло. Сам банкир был в редакции один раз, все дела с газетой решал Владимир Сергеевич, сорокалетний муж, никогда не снимавший черных очков, даже в черной комнате. Вряд ли он страдал глазной болезнью, скорее наоборот, взглядом он мог просверлить дырку в лобовой броне танка. Вот и сейчас Коваль чувствовал жжение в области собственной головы и с радостью нырнул бы в аквариум к карпу.

По наблюдениям Батискафа, Лазаревский оказывал спонсорскую помощь еще парочке независимых государственных изданий, судя по тому, как охотно они предоставляли свои страницы под темы, так или иначе связанные с магнатом. Разумеется, позитивные темы.

Вторым сегодняшним гостем был начальник охранного предприятия «Пилар», чьи богатыри бдили на проходной «Вестника». Звали его просто Валера, своим видом он напоминал раннего Шварца из фильма «Хищник». У него отсутствовала шея, и голова сидела на плечах, как кочан на грядке. Коваль знал, что находящиеся сейчас в кабинете господ поддерживают дружеские и деловые отношения, поэтому их тандему не удивился. К слову, охрану газете предложил опять-таки Владимир Сергеевич, озабоченный ростом уличной преступности в городе. Он же и подтянул Валеру-Пилара.

В сегодняшнем визите Ковалья насторожило одно обстоятельство – по обоюдной договоренности все встречи подобного рода проходили на нейтральной территории. Любой знает – истинная благотворительность подразумевает конфиденциальность. Стало быть, сегодня особый случай.

– Что значит недоглядел? – мрачно возмутился поверенный Лазаревского. – Такие недоглядки называются в Уголовном кодексе преступной халатностью, повлекшей тяжкие последствия...

– Тяжкие?

– Да уж не легкие, уважаемый Василий Егорович. Мне пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы ОБЭП и налоговики, нагрянувшие по вашей милости в цех, покинули предприятие с миром и не мешали производству. А вот взгляните, – Владимир Сергеевич извлек из дипломата лист с аккуратными столбцами цифр, – это обработанные данные о продаже «Дубинушки» за вчерашний и сегодняшний дни. Впечатляет? Вы догадываетесь о последствиях этой вашей банды? Где ваша журналистская этика?

Батискафыч, побледнев, как утренний болотный туман, взял в руки лист. Петелька пиджака рухнула вниз, словно срубленная береза. Карп заметался по аквариуму, решив, что сейчас в воду опустят кипятильник.

– Откуда у вас вообще сведения об этой водке? Вы уверены, что они подлинные?

– Я доверяю своим сотрудникам, – жалобно ответил Коваль, про себя полоскал последними словами мудака Макса, – Кутузкин трижды боится, прежде чем писать материал.

– Так вот, сведения непроверенные, а стало быть, ложные. По вашей милости задеты честь и достоинство очень уважаемых персон.

– Конкретно, – добавил пару Валера.

– Эти персоны не позволят упражняться в остроумии всяким Кутузкиным, и за «голых корошков» придется ответить.

– Натурально, – вновь подал голос шеф «Пилара», – гнилой базар.

– Я же сказал, – простонал совершенно упавший духом Батискафыч, – мы примем меры...

Визитеры посмотрели на редактора взглядом гаишника, которому нарушитель вместо денег предлагает справку об отсутствии оных.

– Конечно, примете, и немедленно, – Владимир Сергеевич извлек еще один лист, – вот текст опровержения. Здесь сказано, что по вине редакции допущена грубая ошибка. Речь в статье «Голые корольки» шла вовсе не о водке «Дубинушка», а о кавказских аферистах, занимающихся ее грубой подделкой. Соответственно, редакция приносит всем пострадавшим свои извинения. Опровержение должно быть опубликовано в ближайшем номере.

– Это невозможно, номер сверстан...

– Что?..

– Все в порядке, конечно поставим.

– Вот фотография, ее также поставите, – поверенный протянул снимок Ковалю. На снимке был запечатлен ленточный конвейер, по которому ползли ровные ряды бутылок. Пара рабочих в белых халатах и с марлевыми повязками на

Лицах контролировали процесс. Объектив камеры непреднамеренно зацепил красную табличку на конвейере – «SMIRNOFF». Табличку сквозь свои черные очки поверенный, вероятно, не разглядел...

– Поставим, – покорно кивнул Коваль.

– Второе. Сегодня же выясните у своего Кутузкина, кто ему слил тему. Если есть какие-нибудь документы, отберите. Сможете? Или нам заняться?

– Постараюсь.

– И последнее, – Владимир Сергеевич вновь опустил руку в дипломат, – вот материал. О коррупции в высшем звене. Написан одним молодым автором. Очень талантливым. Мы хотим помочь таланту. Во вторник материал должен стоять в номере. На первой полосе. Тем самым вы сможете хоть как-то возместить причиненный сегодня ущерб. Прошу.

Василий Егорович осторожно взял протянутую папку, словно это была ядерная боеголовка без предохранителя, просмотрел текст. С первого раза ничего не понял, по причине волнения. Но, в любом случае, ответ был предопределен заранее.

– Хороший материал. Мне очень понравилось. Оригинальный стиль, грамотное изложение. Опубликуем с удовольствием.

– Ну и прекрасно, – поверенный щелкнул замочками, – теперь маленькое, но обязательное условие...

Карп всплыл на поверхность и лег в дрейф, вращая глазами, словно подводная лодка перископом.

– Каким образом эти документы попали в редакцию, должны знать только три человека. Догадались кто?

– Догадался, – шеф «Вестника» поочередно обвел гостей глазами, – а можно уточнить один момент?

– Пожалуйста.

– Если нам вдруг предъявят претензии или обратятся с иском в суд... На кого ссылаться? И будут ли у нас необходимые доказательства, если вдруг, не дай Бог, кто-то заявит, что все написанное клевета?

– Василий Егорович, неужели вы, уважаемый журналист, не помните закона о печати? – Владимир Сергеевич раздраженно пожал плечами. – Вы вовсе не обязаны расшифровывать источник информации. Вот на закон и ссылайтесь. Что касается подлинности сведений, можете не сомневаться, они достоверны. Абсолютно достоверны. Я уверен, что у вас не будет проблем. Если проблемы вдруг появятся, их возьмет на себя Валерий Иванович.

– Да, но...

– Вот и договорились. Если вы заметили, статья никем не подписана. Наш юный талант необыкновенно скромнен и не претендует на авторство. Можете поставить фамилию кого-нибудь из своих. Того же Кутузкина, например.

– Да, скромность – забытое качество.

– В таком случае, до свидания. Будем считать сегодняшнее происшествие досадной промашкой. Еще раз напоминаю о конфиденциальности нашего разговора. Сами понимаете, какие могут быть последствия.

– Задница, – как всегда лаконично добавил Валера.

Гости поднялись и, не простившись, вышли из кабинета. Карп залег на глубину, поняв, что в ближайшем будущем он без продовольствия не останется. Василий Егорович вполголоса выругался, заглушая сердечную обиду, и еще раз, уже более спокойно, перечитал текст.

Речь в нем шла о каких-то взаимозачетах и акциях нефтяных компаний. Коваль слабо разбирался в экономике нового времени и суть вопроса так и не уловил. В «Вестнике» был специальный репортер по экономическим вопросам, но его отослали в Москву на семинар пить водку за казенный счет. Статья носила откровенно обличительный характер, причем имя

одного из обличаемых насторожило Василия Егоровича. Алексей Буров, самый авторитетный преступный лидер Новоблудска по кличке Крендель. Также упоминался покойный Чугун, чья смерть, как утверждалось в статье, была связана с описываемыми махинациями. Все это совершенно не нравилось Ковалю: Лазаревский мог оставить без денег. Крендель – без головы. Говорят, что свой псевдоним последний заработал, после того как на широкомасштабной разборке вырвал из рук противника двустволку и связал дуло узлом. Случилось это лет десять назад, в эпоху капиталистического романтизма, когда в моду входило движение «каждому ларьку – надежную защиту». Нынче Крендель остепенился, сам на подобные мероприятия не катался, решая острые вопросы в своем громадном офисе на улице Белых меньшевиков (бывш. Красных большевиков). Василию Егоровичу совершенно не улыбалось попасть на прием в этот офис и потеряться в его извилистых коридорах. А крайним в этой неприглядной истории мог стать именно редактор «Вестника». Иначе какого черта холуй Лазаревского на совершенную секретность намекал? Он-то, в случае чего, руками разведет: «Какой павлин-мавлин?!» А Василий Егорович отдувайся как хочешь.

И как сможешь. Лазаревский через газету свои вопросы решает, ладно б сам ангелом был. Борец с коррупцией хренов! Скверное положеньеце. Коваль отбросил на угол стола материал, поднялся и принялся ходить по кабинету.

В принципе он мыслил правильно. Лазаревский решал свои вопросы, и никакой борьбой за идею тут не воняло. Естественно, Батискафыч не мог просчитать направление главного удара, хотя на самом деле комбинация с газетой была довольно проста. Лазаревский давным-давно вынашивал светлую мечту о единоличном контроле над топливным рынком родного города. Но примерно такую же, и не менее светлую мечту вынашивал и Крендель. Стороны были примерно равны по силам и питали друг к другу, в силу пересечения интересов, нездоровые чувства, перераставшие порой в открытый огонь из автоматов и гранатометов. Возможность склонить чашу весов в свою сторону появилась у Гены Лазаревского после того, как один из людей Кренделя слил информацию о финансовых аферах патрона при проведении взаимозачетов. Слил он ее, разумеется, под большим секретом, умоляя никоим образом его не засвечивать. Лазаревский поклялся, человек мог пригодиться в дальнейшем, терять такого агента во вражеском стане было бы крайне расточительно. Реализовать предоставленную информацию могли только те, кому это и положено, – правоохранительные органы в лице налоговых полицейских и борцов с экономической преступностью. К слову сказать, органы тоже были поделены поровну. Северное райуправление прикармливал Крендель, Южное – Лазаревский, а Главк и тот и другой. Именно бойцам правопорядка под покровом ночи и предоставил полученную компру. Гена Лазаревский, воодушевив на подвиг соответствующей подвигу оплатой. Хотя и без оплаты те считали делом чести зацепить оборзевшего вконец Кренделя, защелкнув на его толстых лапах хромированные наручники. Но Леша хоть и слыл отморозком, но законченным дураком не являлся. Его экономические советники обставляли махинации так умело и грамотно, что повода начать уголовное преследование не возникало. Бумаги были чисты, как первая любовь. Лишь правильное сочленение превращало отдельные звенья в преступную цепочку. Получался замкнутый круг – чтобы возбудить уголовное дело, нужны были основания, но чтобы получить основания, нужно доказать преступный умысел, то есть возбудить дело. Аргументы типа Крендель – бандит поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, к сожалению, не являлись. Операция грозила провалиться, органы, готовые к подвигу, справедливо указали Лазаревскому на возникшую проблему. «Утром повод – вечером подвиг, вечером повод – утром подвиг. Иначе пустой базар». Лазаревский посоветовался со своими юристами, которые подсказали ему необыкновенно простой выход из тупика. При этом убивались сразу два зайца – возбуждалось дело и «прикрывался» источник информации. Оказывается, поводом для начала уголовного преследования может послужить обычная газетная статья, в которой достаточно разъяснить читателю суть махинации, то есть сложить звенья.

Прокурор, прочитав статью, стукнет кулаком по сукну, возмутится и даст соответствующую команду о проверке описанных безобразий. Силу удара кулаком можно оговорить с прокурором отдельно, в домашней обстановке. Хотя посвящать органы в газетную комбинацию, по понятным причинам, не стоит.

Колесики закрутились, механизм заработал. Статья была изготовлена за два дня лично Геннадием Лазаревским, вспомнившим ради такого дела комсомольскую юность, когда он отвечал за выпуск стенной газеты в райкоме. Честь поместить творение на своих страницах выпала самой авторитетной городской газете «Новоблудский вестник», находящейся в прямой зависимости от папы Гены. Правда, тут же возникала очередная проблема. Что делать с главным редактором Василием Егоровичем! Ковалем? Ведь Крендель первым делом примчится к нему и не удовлетворится ответом «я имею» право хранить молчание» или «обращайтесь в суд». Плавать Ковалю после такого ответа в аквариуме вместе со своим карпом. И булькать, пока кислород в легких не кончится. После второго погружения все расскажет... Конечно, Крендель догадается, откуда ветерок дует, но пока Коваль не расколется, предъявить ничего не сможет. Придется Ковалю круглосуточную охрану обеспечивать месяца на два. С судом вопрос тоже можно уладить, да и не пойдет Крендель ни в какой суд. А через два месяца Леше не до разборок с Батискафом будет... В конце концов, всегда есть старый, проверенный способ – сердечная недостаточность либо отравление некачественными продуктами. Коваль старенький, много ли ему надо? Йогурт просроченный скушал, пукнул, и некролог на стенке.

Всех этих черных замыслов своего финансового бога Василий Егорович, разумеется, не знал и сейчас лихорадочно обдумывал, как выкрутиться из щепетильного положения. Он прекрасно понимал: опубликовать эту заказуху под своей фамилией или фамилией кого-то из своих – все равно что прийти в воровскую «малину» и интеллигентно спросить: «Простите, где здесь ближайший обменный пункт валюты? У меня с собой двадцать тысяч долларов, хочу немножко поменять». Но не печатать тоже нельзя. Потоптавшись вокруг стола минут пять, он выглянул в приемную и попросил Анюту срочно найти Кутузкина. Криминальный репортер оказался на месте и тут же примчался по зову шефа.

– Ты, кажется, говорил, что имеешь подстраховку на случай заморочек, – Батискафыч показал на статью про водку, – верно?

– Верно, имею, – уверенно ответил Макс.

– Ну и в чем это выражается? Документы, фотографии?

– Что-нибудь случилось, Василий Егорович?

– Не случилось бы – не спрашивал. – Коваль раздраженно бросил перед собой очки. – Выкладывай, откуда информация?

– Информация от надежного человека, у меня есть магнитофонная запись нашей с ним беседы.

– Что за человек?

– Я пообещал нигде не называть его имени. Это справедливо, все-таки сенсация.

– То есть у тебя, кроме этой записи, ничего нет?

– Почему, есть еще фотографии. Я сам снимал. Зашел в цех под видом торговца мелким оптом. Предлагал наборы китайских карандашей, помните, нам на Новый год дарили? Прежде чем меня грубо выставили, я пару кадров успел сделать.

– И с чем ты на суд собираешься идти? С какой-то кассетой, где неизвестно кто записан, и с фотографиями, где неизвестно что заснято? Твой этот информатор, он в суде свои слова подтвердит?

Макс слегка замешкался, но, духом не пал.

– Выходит, нам вообще ни о чем нельзя писать? – Можно... Ты как на человека вышел?

– Никак. Он сам предложил. Ему за нацию обидно. Не мог видеть, как нас травят.

У Василия Егоровича больше не возникало вопросов, он вновь нацепил очки и вручил Кутузкину лист и фотографии, принесенные Владимиром Сергеевичем.

– Вот текст опровержения, проверь, чтоб не было ошибок, и отдай Михалычу, пусть поставит в завтрашний номер. И впредь все материалы, прежде чем нести ко мне, показывай юристу. Без его визы лучше и не подходи. Далее...

Батискафыч на секунду задумался, потом вывел на экран нужный файл и нажал на печать. Когда принтер замер, он вытащил отпечатанный текст и тоже передал его Макс.

– Вот любопытный материал, действительно проверенный и действительно сенсационный. Единственное, что нужно сделать, – переписать его другими словами, сохранив фактуру. Времени на это много не надо, до шести управишься. Я Михалыча предупрежу, он поставит текст вместо интервью с этим театралом, как его... Ну, не важно. У нас тут свой театр.

Макс бегло ознакомился с распечаткой. Переделать статью до неузнаваемости действительно не составляло для него большого труда. Порой, когда возникал острый дефицит на фактуру, а начальство требовало объем, он залезал в Интернет либо отыскивал подходящий материал малоизвестных изданий и гримировал его по всем правилам журналистского макияжа. После чего выдавал за свой. Справедливости ради надо отметить, что подобными фокусами Макс не злоупотреблял, иначе мог рано или поздно нарваться на истинного автора и, соответственно, на предьяву. Хотя для многих его коллег такой творческий метод был единственным.

– Кем подписываться?

– Кем угодно. Можешь собой.

Зная честолюбие Кутузкина, Коваль был уверен, что Макс поставит под текст свое имя. Впрочем, принципиального значения это не имело. Батискафыч нашел наиболее безболезненный выход, при котором хоть как-то соблюдалось правило «волков и овец».

Карп выпрыгнул из воды и сделал в воздухе сальто, отдав дань восхищения своему любимому хозяину.

ГЛАВА 4

Утром Шурику позвонила главная «рассадница» Людмила Анатольевна, попросив срочно приехать. Голос Цветковской отдавал горчинкой, и Шурик почуял беду. Наспех приведя себя в порядок после вчерашнего научно-философского заседания с Генкой, он рысью помчался в «Рассадник». Плохие предчувствия сбылись, Цветковская сидела в кабинете и плакала. Увидев вошедшего Шурика, она подняла красные глаза и прошептала:

– Нет больше «Рассадника».

– Почему?

– Мы не нужны людям... Боже, какая неблагодарность.

Людмила Анатольевна вытерла слезы и закурила. |

– Вот, Саша, данные продаж за этот месяц, – она ткнула сигаретой в скомканный листок, – мы даже не смогли окупить затраты, не говоря уже о прибыли. А я в этот номер всю душу вложила.

Для последнего номера Шурик готовил заметку «Консервирование горошка в домашних условиях». «Черт, надо было лепить, как самогон гнать или „дурь“ варить, сейчас бы горя не знали, – с досадой подумал он, – горошком и так все ларьки заставлены. Прокол».

– Чтобы погасить долг, придется продавать оргтехнику, – продолжала страдать Цветковская.

– А журнал? Что будет с журналом?

– Боюсь, журнал придется закрыть. Я искренне не понимаю, в чем причина случившегося. Неужели журнал так плох, скажи мне, Саша, только откровенно.

«Баб надо было голых на обложку вместо огурцов маринованных, или пару-тройку трупов», – откровенно ответил Шурик про себя, вслух же произнес:

– Журнал классный, ты сама знаешь. Просто народ у нас деградирует, не дотягивает до «Рассадника». Сейчас ему только «клубнику» подавай.

– Да, наверное, Саша. Я знала, что ты поддержишь меня. Хотя... вот статья про клубнику. Как подрезать усы.

– Это не про ту клубнику. Сорт другой.

– Я не очень разбираюсь в клубнике. Господи, как все хорошо было до кризиса. Кто этот кризис устроил? Своими руками б... С людьми не рассчитаться.

Людмила Анатольевна смяла руками продажный листок. Шурик сочувственно вздохнул, догадавшись, что гонорар за «горошек» будет законсервирован навсегда.

– И куда ты теперь? – спросил он.

– Не знаю, – Цветковская помахала рукой, разгоняя дым, – в «Мире беспредела»

Есть вакансии замредактора, предлагают. Мне не очень хочется, криминал не моя тематика, но если ничего не найду...

«Мир беспредела» веселил читателей криминальными ужасами, творящимися в их тихом провинциальном городке, издаваясь в основном на бандитские деньги. Этот журнал Шурик никогда бы не применил в качестве мухобойки, иначе рисковал бы запачкать обои кровью.

– Ко всему можно привыкнуть, – успокоил он Людмилу, прикидывая, что иметь знакомого замредактора совсем не плохо. («Иметь» – в смысле иметь.) – Я бы сразу не отказывался.

– Я пока и не отказываюсь. Просто опасаясь, получится ли?

– Полагаю, что непременно.

На автобусной остановке продавались газеты. «Покупайте газетки – одну себе, две соседке!» Шурик наскреб на свежий «Новоблудский вестник». Автобус не подавали, он при-

сел на газонное ограждение, развернул номер. Быть в курсе городских событий – обязанность любого работника пера, вне зависимости, печатают тебя или режут.

«На рынке избита Алла Пугачева! Страница 3». Заголовок занимал как минимум половину листа, красуясь на фоне темного контура, напоминающего прическу национальной звезды. Шурик не бросился на третью страницу, зная, о какой Пугачевой идет речь в заметке. Он остановился на второй, три четверти которой занимала статья «Лысина не порок». По мере чтения лицо Шурика приобретало крапковый оттенок, а когда он закончил, руки самопроизвольно смяли «Вестник», а губы так же самопроизвольно прошептали: «Ну, крыса...» Подали автобус, но Шурик продолжал сидеть на ограде, напоминая коммуниста, потерявшего партбилет.

Это была та самая статья, которую он накануне притащил Ковалю и за которую Коваль кланчил бабки. Разумеется, статья была переписана заново, другими словами, но Шурик безошибочно угадал свою фактуру. Как «Запорожец» не полируй, а «мерсаком» он не станет. (НЕ РЕКЛАМА!) А подпись чья? Шурик вновь развернул газету, абсолютно не рассчитывая увидеть под текстом родную фамилию. «Максим Кутузкин. Собств. корр.» Макс?! Хотя, конечно. Не Глоткин же? Криминальная хроника. Ворюги поганые. Ненавижу!

Подали второй автобус. Шурик затолкал газету в карман куртки, прыгнул в раскрывшиеся с лязгом двери. Салон оказался почти пуст, человек пять пассажиров и бабуля-контролер. Та самая. Шурик решительно подошел к ней и протянул руку.

– Бабка, дай обрез! На время. Очень надо!..

На проходной «Вестника» Шурика не пустили. Сегодня подступы охраняли уже два прекрасно вышколенных «Пилара».

– Пропуск?

– Я к Василию Егоровичу, мы договаривались.

– Пропуск?

– Он сказал, так можно пройти.

– Пропуск?

К счастью, в редакцию возвращался Горлов-Глоткин.

– Привет! Сегодня дождь и скверно (Максим Леонидов). Ты к кому?

– К Максиму. Он здесь?

– Не знаю, но если он уйдет, это навсегда, так что лучше не дай ему уйти (снова Максим Леонидов).

– Проведешь? У меня пропуск не заказан.

– Все в наших руках («Алиса»).

Макса на месте не оказалось. Придется ломиться напрямую, к Ковалю.

«Плевать, все равно ничего не теряю». Шурик проскользнул мимо все еще не утопившейся Анюты, не спросив у нее разрешения на аудиенцию. Василий Егорович сидел за столом, щелкая калькулятором. На грохот захлопнувшейся двери он поднял голову.

– А, Саша... Здравствуй, дорогой. Ну что, будем печатать?

– Не будем! Это как вообще понимать? Шурик швырнул на редакторский стол скомканный «Вестник».

– Лысина не порок, значит? Кажется, в моем варианте это называлось «Лекарство от денег».

– Какая лысина, какой вариант? – Коваль поправил очки и пододвинул газету. – Успокойся, пожалуйста. Сейчас разберемся. Посиди.

Он бегло прочел статью, после чего удивленно посмотрел на Шурика.

– И что тебе не нравится?

– Это моя фактура. Та самая, которую я вчера положил на ваш стол и которую вы мне завернули. А сегодня она выходит за подписью Кутузкина. На простом языке это называется кидалово.

– Я не знаю, к сожалению, простого языка. А ты не допускаешь мысли, что Максим мог тоже получить подобную фактуру? Можно подумать, ты у нас в городе единственный и неповторимый добытчик информации. Кстати, он еще неделю назад заикался об этой афере с порошком, но я тогда был занят более серьезными вопросами. Да и сенсация ли это, по большому счету? По сравнению с «МММ» – это баловство какое-то.

– И тем не менее вы поставили это баловство в номер, вы продаете газету, получаете деньги. За мою статью! Какой, к бесу, Максим? Вы сравните тексты. Он даже не перепроверял мои сведения! Я нечаянно ошибся в дате, и надо же, какое совпадение – он тоже ошибается именно в этом!

Коваль совершенно не смутился.

– Я не вникал в эти детали, Максим принес мне текст, я его утвердил. Если б я по каждому материалу собственноручно ковырялся в фактуре, выискивая неточности, газета выходила бы раз в месяц... Я тебя, Саша, прекрасно понимаю. Ты собирал информацию, писал текст, и вдруг так получилось, что тебя опередили. Это очень знакомое мне чувство. Обидно, весьма обидно. Но это мир журналистики, издержки профессии. Бегуны стартуют вместе, но первым приходит только один.

– Если подставит второму подножку.

– Хорошо, что ты хочешь? Чтоб мы дали опровержение? В чем? Мол, ошиблись с автором? Бред... Гонорар? Пардон, подо что? Ты же неглупый парень. Прежде чем ломиться в дверь, надо определиться, что ты хочешь получить. Согласен?

Шурик был не согласен. Но понял, что спорить с Батискафычем так же нереально, как укладывать феном волосы скульптуре Ленина на вокзальной площади. Оставалось лишь пожать плечами и с позором покинуть зал. Что он, действительно, хочет? В рожу дать Батискафу? Потом не оберешься... Стоит ли?

– Хорошо, – Коваль снял очки, – раз уж так получилось и ты считаешь себя задетым, сделаем вот что. По справедливости, как ты говоришь, по-простому. Ты полагаешь, что я украл твою фактуру и отдал Кутузкину для переделки. Ладно, пусть так и будет. Вчера Максим принес мне свой материал, довольно интересный. Я тебе его отдаю, ты читаешь, и завтра он выходит под твоим именем. Гонорар я, естественно, размечу на тебя. Делаю я это исключительно для того, чтоб из-за всяких нелепых совпадений не страдала честь издания. Устроит тебя такой вариант?

Шурика, если честно, сейчас устроил бы любой вариант, связанный с улучшением материального положения. Разумный, конечно, вариант, «Черт, а может, действительно совпадение? Издержки профессии...» Но бросаться на шею Ковалю он не торопился.

– Сначала надо посмотреть, что за материал.

– Разумно. Пожалуйста, держи, – Батискафыч передал Шурику несколько листов, – все проверено, все доказано, юрист утвердил.

– А Максим? Он даст добро? – С Максимом я договарюсь. Честь издания! дороже личных амбиций.

Шурик положил листочки на колени и начал читать. Чтение не доставило ему особого удовольствия, по причине того, что, во-первых, от бумаги пахло бензином, и, во-вторых, он почти ничего не понял. Какие-то экономические выкладки, схемы. Две вещи он все же смог уловить. Речь шла о больших бабках и каком-то дегенерате Бурове, превратившем благородный и светлый нефтяной бизнес в кормушку для свиней. Литературный стиль, хотя и был украшен изречениями Омара Хайяма, претендовал на стенную газету в детском саду. А слово «бесовестный» было позорно написано через «з».

– Что скажешь? Неплохой материал, верно?

– Неплохой, – согласился Шурик, – а про что он?

– Ну как же... Про... Я, кстати, не буду возражать, если ты подгонишь его под свой стиль. У тебя есть стиль?

Стиля у Шурика не было, он вообще не понимал, что это такое, но на всякий случай ответил утвердительно:

– Конечно.

– Вот и поработай. Номер еще не сверстан, у тебя есть пара часов. Сейчас прикинем, сколько это будет стоить, – Коваль включил калькулятор, – триста пятьдесят рублей сорок восемь копеек с учетом налогов. Деньги можно получить сегодня до пяти. Годится?

У Шурика заурчало в животе, что было воспринято Ковалем как знак согласия.

– Ну и отлично. Можешь поработать в кафе, там у нас спокойно и тихо. Материал оставишь в канцелярии. Паспорт с собой?

– С собой, – вновь ответил желудок.

– Тогда никаких проблем. Да, вот еще... Если вдруг кто любопытствует, откуда информация, знаешь, куда посылать?

– К вам или к Максусу.

– К закону о печати. Ты имеешь право не называть источников информации. Впрочем, вряд ли кто любопытствует. Все изложенное в статье слишком очевидно.

В кафе пахло едой. Шурик попытался абстрагироваться, но не сумел: за соседним столиком принимал пищу сутулый субъект, чавкая и сопя, как боров у корыта. Шурик еще раз прочитал статью и еще раз ничего не понял. Обильное слюноотделение мешало сосредоточиться. Субъект от борща перешел к жареной рыбе, окончательно выбив из рабочего ритма. «Ладно, хрен с ним», – Шурик вытащил авторучку и, начертав под текстом два слова: «Стыдно, товарищ», помчался в канцелярию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.